

**Военные
Приключения**

СОТРУДНИК ЧК

А. ЛУКИН Д. ПОЛЯНОВСКИЙ

Военные приключения

Александр Лукин

Сотрудник ЧК

«ВЕЧЕ»

1957

Лукин А. А.

Сотрудник ЧК / А. А. Лукин — «ВЕЧЕ», 1957 — (Военные приключения)

Не думал Лёшка Михалёв, что придется ему не только защищать родной Херсон от кайзеровских войск, но и столкнуться с настоящими шпионами, активно работающими на белогвардейцев и иноземных захватчиков. Но судьба распорядилась так, что пришлось бывшему гимназисту стать сотрудником ЧК, а значит – вести опасную, нескончаемую битву не на жизнь, а на смерть и после того, как отпыхала Гражданская война... Широко известный роман, положенный в основу популярного художественного фильма.

© Лукин А. А., 1957

© ВЕЧЕ, 1957

Содержание

Часть первая	6
Лешка Михалев	7
Начало	12
На часах	18
Пантюшка Дымов	21
Мрачные новости	24
Светские знакомства	26
Марков	30
Человек в шинели	33
Знакомство продолжается	40
Ночной разговор	43
Четвертое апреля	46
Дома	49
Херсон — немецкий город	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Александрович Лукин, Дмитрий Поляновский Сотрудник ЧК

© Лукин А.А., Поляновский Д.И., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

Восстание фронтовиков

Весна в Херсоне наступает рано. Уже в начале марта подсыхает земля, а к концу месяца появляется первая зелень. В это время небо над городом становится выше и синей и солнце заметно припекает.

Но в памятную весну тысяча девятьсот восемнадцатого года март выдался на редкость серый и ненастный. Ветер с Днепра задувал пронзительно, трепал над домами дождевые облака, носил по улицам обрывки плакатов, зашарканные листки прокламаций, гнилую прошлогоднюю листву. Никто этого мусора не убирал, и он собирался под заборами, у рекламных тумб, в подворотнях, путался под ногами.

Шли грозные времена. Дороги Украины топтали тяжелые, щедро подкованные немецкие и австрийские сапоги, пахло бензиновым перегаром военных автомашин...

В Херсоне только и разговоров было, что о немцах. Их ждали со дня на день. Газеты выходили с тревожными заголовками: «Что слышно в Одессе?»

В Одессе были немцы. Были они и в Николаеве. Газеты сообщали о расстрелах на Пересыпи, о трупах, висящих на столбах, о заводах, возвращенных прежним владельцам. Все это у одних херсонцев вызывало радость, в других вселяло страх, а третьих — большинство — заставляло сжимать кулаки...

И вдруг, как громовой удар, разнеслась весть, что эсеров-меньшевистская городская дума отправила в Николаев делегацию просить австро-немецкое командование не медлить и прислать в Херсон войска для «наведения порядка».

Союз бывших фронтовиков — а их в Херсоне насчитывалось больше двух тысяч, — возглавляемый большевиками, объявил, что с этих пор не признает власти городской думы и не допустит, чтобы пролетарский Херсон стал немецким. Разоружив боевые дружины городской думы — обывателей, гимназистов и отряды милиции, — фронтовики начали укреплять на городской окраине остатки старинной крепости, которые херсонцы называли «валы». Сюда стали стекаться вооруженные рабочие отряды.

Город спешно готовился к обороне.

Днем девятнадцатого марта в Херсон явились немцы, сопровождаемые гайдамаками гетмана Скоропадского. На длинных грузовиках со щелистыми капотами, напоминавшими оскаленные звериные морды, окруженные толпой возбужденных, откровенно ликующих обывателей, они проследовали в городскую думу и тотчас же послали парламентариев на «валы», требуя, чтобы фронтовики сложили оружие...

Лешка Михалев

В окнах дома Союза фронтовиков только в верхнем этаже уцелели стекла. В нижнем окна были забиты досками; сквозь щели сочился желтый, дымящийся в ночном тумане свет. У входа маячили часовые.

В низких комнатах Союза вдоль стен тянулись дощатые нары, над жестяными буржуйками змеились черные дымоходные трубы. Здесь пахло незатейливым солдатским варевом, горели развешанные по стенам керосиновые лампы, в коридорах, в комнатах, на лестницах толпились фронтовики в серых, обожженных у походных костров шинелях и мятых папахах, давно утративших свою первоначальную форму.

На втором этаже в одной из комнат располагался Совет Союза фронтовиков. В широком квадратном зале возле этой комнаты было особенно многолюдно. Ожидая распоряжений, фронтовики толклись у двери, дымили сигарками, переговаривались. В воздухе стоял сдержанный гул голосов.

Рябой солдат с короткой кавалерийской винтовкой на ремне говорил, жуя козью ножку:

— Я, к примеру, три года в окопах отбыл и скажу тебе так: немец к концу войны не мечтал по России ходить. Думал только, как шкуру уберечь. А тут — на тебе: пришел и за горло берет. Справедливо это? А? Справедливо?

— Справедливости захотел? — насмешливо сказал другой фронтовик, бородатый, в нахлобученной до глаз папахе. — У немца одна справедливость: отломить кусок пожирней. Люди из деревень приходят, говорят, начисто немец хлеб сгреб. Скотину угоняет до последней телушки. Справедливость! Ищи ветра!..

Быстроглазый низкорослый фронтовичок, сидевший на корточках возле стены, заговорил привставая:

— Мужики-то чешутся! Раньше нос воротили: нам што! Земля нынче, слава богу, есть. То, мол, Киевской раде треба, щоб нимцы большевиков прикончили, а наша хата с краю, хай воны хоть головы друг дружке поотгрызают... А зараз, як старые паны до их земли объявились, другое говорят...

— Факт! — вздохнул бородатый. — Продали Украину буржуи, им революция вон где сидит. Народа бояться. Видал, немец заявление прислал, чтобы оружие сдавать? Не то — расстрел.

Вокруг зашумели:

— Добрый, видать!

— Как же, сейчас и понесем. Утречком он всю нашу оружие получит, будет доволен!

— Это точно!.. Жалиться не пойдет!..

А быстроглазый фронтовичок погладил ладонью темное винтовочное ложе:

— Ни-и, брат, мне ще вона самому згодится! Ва-ажные у ей будут дела!..

Стоя возле двери за спинами фронтовиков, к этим разговорам прислушивался паренек лет шестнадцати-семнадцати в старой гимназической шинели, из которой он уже изрядно вырос. По-юношески долговязый и угловатый, он привставал на носки и смотрел в лицо каждому говорившему серыми удивленными глазами. Над пухлым мальчишеским ртом его и на щеках возле ушей темнел пушок. Светлые волосы, курчавясь, выбивались из-под форменной фуражки и жестким чубом налезали на лоб. Видно было, что каждое слово фронтовиков, людей бывалых, полно для паренька особого значения...

Из комнаты Совета вышел один из его членов, Силин, человек рослый и очень широкий в плечах. На круглой стриженной голове волосы стояли ежиком. Под распахнутой шинелью на поясе висел наган.

Ему тотчас же придвинули табурет. Силин влез на него.

Когда установилась тишина, он заговорил ровным негромким басом, взмахивая зажатым в кулаке листом бумаги:

— Согласно общего постановления, а также Совета Союза фронтовиков, с утра будем выбивать немцев с нашего пролетарского Херсона!

Фронтовики возбужденно зашумели, придвинулись ближе. Силин поднял руку:

— Тихо! Митинги отменяются! Все! Поговорили! Договорились до немца!..

Послышались голоса:

— Правильно!

— Кончать надо говорильню!

— Пора делать дело!..

— Так, — продолжал Силин, — связь с рабочим классом у нас есть. Наше дело начать, они поддержат. Объявляется особое положение. Ежели какая-нибудь недисциплина, будем рассматривать как измену революции и пролетарскому классу, и по закону военного времени — налево без разговору! Понятно?

— Чего не понять!

— Правильно!

— Теперь слушать команду. Ротам Иваненко и Маренина идти к городской думе сейчас же и занять позицию. Так... Рота Линькова — к вокзалу. Остальные пойдут оцеплять город по берегу. Командирам указания есть... Общая картина будет такая. Начнут Маренин и Иваненко у думы. До них чтобы ни единого выстрела! А как они начнут, тогда всем действовать по сложившейся боевой обстановке. Ясно?.. Которым отрядам есть задание, выполнять! Остальным разойтись по своим местам и ждать приказов, какие поступят. Всё!..

Раздались слова команды:

— Становись!..

— Отряд Павлова, ко мне!..

Силин соскочил с табурета, поискал глазами, крикнул:

— Лешка!

Паренек в гимназической шинели подскочил к нему:

— Я тут!

— Вот тебе записка, отнесешь Виговскому на Забалку, в районный штаб, знаешь?

— Еще бы!

— Принесешь ответ. Пробирайся осторожно, на немцев не нарвись.

Лешка побежал к выходу.

Лешка Михалев, долговязый паренек в гимназической шинели, стал связным Силина совсем недавно, всего несколько часов назад.

Сначала, когда от своего закадычного друга Пантелея Дымова (в просторечии — Пантюшки), отец которого командовал рабочей дружиной на табачной фабрике Лермана, Лешка узнал о готовящемся восстании, он вместе с приятелем попытался пристроиться в дружину Пантюшкиного отца. Но ребят сразу постигла неудача. Пантюшкин отец даже разговаривать с ними не стал и велел убираться с глаз долой, пока греха не вышло. Пришлось уйти ни с чем.

Впрочем, Пантюшка надежды не терял.

— Ты как хочешь, Леш, а я останусь, — сказал он. — Сейчас пойду к бате и при всех скажу: что же ты сына до революции не допускаешь! Пусть попробует не взять, я его на весь город ославлю! Ты, Леш, не обижайся, я пойду, дело, сам понимаешь, какое...

Лешка понимал. Дело было не шуточное: революция! Это слово — «революция» — с детства ходило рядом с Лешкой...

Матери Лешка не знал: она умерла от родов. Самой значительной фигурой в его жизни был отец, работавший мастером на верфях Вадона. В Лешкином представлении он был образцом человека сильного, сурового и справедливого. В начале германской войны отца взяли на

фронт, а когда грянула революция, стало известно, что он состоит в партии большевиков и находится в Петрограде, чем-то там командует...

Для Лешки это не было неожиданностью. С детства он знал, что отец — революционер. К отцу тайком ходили рабочие со всех херсонских предприятий. Случалось, что в их квартире подолгу жили незнакомые люди, о которых никому нельзя было рассказывать. Отец прятал их в тайнике, вырытом во дворе, под сараем. По ночам в чулане за кухней Николай Семенович (так звали отца) вел с ними долгие разговоры о царе, о заводчиках, о революции, и Лешка рано начал разбираться в таких вещах, о каких его сверстники и понятия не имели.

Иногда отец давал ему несложные поручения: сходить туда-то, найти такого-то человека, сказать такие-то слова. Слова были неожиданные и часто непонятные. Их надо было зазубривать, как стихи: «К Степану Петровичу приходили гости, хорошо выпили и разошлись, с чем пришли» или «Семен Васильевич поздравляет с христовым воскресеньем и просит прислать просфорочку»... Лешка с малолетства привык к тайне, к тому, что с людьми следует обходиться осторожно, а язык крепко держать на привязи. Он рос крепким, упрямым и неразговорчивым пареньком — немногословность вообще была семейным качеством Михалевых. Учился в гимназии, где чувствовал себя белой вороной среди обеспеченных сынков херсонских чиновников, адвокатов, торговцев и врачей с частной практикой.

Когда отец ушел на фронт, Лешка остался с сестрой Екатериной, существом безгласным и добрым. Их тетка Вера Порфирьевна, акушерка, выдала ее замуж за приказчика из магазина готового платья Павла Никодимыча Глущенко, человека «положительного и с будущим»: он копил деньги на собственное «дело» по продаже готового платья. Самодовольный, упитанный, с сытеньким брюшком и ранней плешью, он завел в доме свои порядки, «как в интеллигентных семьях». Лешка сразу и навсегда смертельно невзлюбил его. Каждая стычка с Глущенко слезами отливала сестре, и Лешка научился отмалчиваться, не замечать зятя. Он еще больше ушел в себя. В глазах у него появился холодный пристальный блеск, точно в светлой, почти прозрачной их глубине мерцали крохотные чешуйки слюды. Екатерина, замечая этот блеск, вздыхала:

— Совсем ты, Леша, на папу стал похож, даже страшно до чего!

Лешка в письмах слезно просил отца взять его к себе в Питер, потому что он, Лешка, до последней капли крови за мировую революцию!. Отец отшучивался, велел ждать. Видно, представлял его таким же маленьким двенадцатилетним пацаном, каким оставил, уходя на германский фронт. Посмотрел бы он, в какого детину вымахал сейчас его сынок!..

В это время и появился Силин.

Он пришел однажды утром, когда Глущенко не было дома, и сразу, на пороге еще сказал:

— Ага, ты, должно, и есть сынок Николая? Узнаю, похож. Ну, здоров. Привет тебе привез от бати и письмо.

— Вы с ним служили, наверно? — спросил Лешка, с уважением глядя на фронтовую шинель и папаху гостя.

— Служил, — усмехнулся Силин. — Зимний мы с ним вместе брали, такая у нас была служба...

Лешка провел его в комнату, хотел напоить чаем. Силин от чая отказался. Не раздеваясь, присел к столу и стал рассказывать про отца:

— ...Скоро его не ждите. Дела, брат, завариваются не шуточные. Воевать, видно, придется. Контра нашему брату, рабочему, Россию за здорово живешь не отдаст...

Он был разговорчив, как все бывшие фронтовики, после долгого отсутствия возвратившиеся в родные места.

— Николая метили назначить частью командовать, — говорил Силин, — он башковитый, батя твой. А меня, значит, сюда прислали...

— Кто послал?

— Кто... Партия послала. Большевистская партия, слышал про такую? Твой-то батя ведь большевик, ты это, брат, помни.

— А почему вас сюда, а отец там? — чуть не с обидой спросил Лешка.

— Каждому свое... Здесь дела много, там — еще больше. Люди всюду нужны...

Силин рассказал о себе. Родом он из-под Херсона. Воевал в Карпатах. Потом попал под полевой суд за большевистскую агитацию, ушел из-под расстрела, добрался до Питера и там встретился с Николаем Семеновичем, Лешкиным отцом. Рассказал, как брали Зимний дворец, как Ленина слушали на II съезде Советов.

В Херсоне Силин собирался работать в Союзе фронтовиков.

— Это тоже место ответственное, ты не думай! — сказал он. — Фронтвик нынче неустойчивый. Его, которые за контрреволюцию, легко могут с дороги своротить. А надо, чтобы он свою линию знал, чтобы с нами шел, понял? Это, брат, тоже не пирожки печь! Тут надо тонко, с соображением. — Силин повертел возле головы короткими пальцами с желтыми пятнами от табака.

Уходя, он сказал:

— Так что вот, Алексей-друг, ежели чего понадобится, иди прямо ко мне, не сомневайся. Николай велел за тобой приглядывать.

Лешка хотел поведать ему про свое невеселое положение, но почему-то не сказал, постеснялся.

Потом он встречал Силина то на митинге, то просто в городе, на улице. Силин расспрашивал про житье-бытье и каждый раз напоминал, чтобы Лешка шел к нему, ежели чего. Лешка говорил: «Хорошо», но так ни разу и не обратился за помощью. Но вот, когда город начал готовиться к обороне, когда друг Пантюшка ушел с боем добывать у своего отца винтовку, Лешка уже не сомневался, что ему следует делать. Он отправился прямо в Союз фронтовиков, к Силину.

Первый раз за все время Силин встретил его неприветливо:

— Нашел когда прийти! Чего тебе?

— Возьмите меня к себе!.. — нахохлившись от волнения, сказал Лешка.

— Это еще зачем?

— Как зачем! Что же мне сидеть с Глуценкой, как последнему буржую?

— А здесь что ты будешь делать?

— Ну вот! Что я, стрелять не умею?!

— Ишь ты, воевать захотелось! — протянул Силин. — Шел бы лучше домой, парень.

— Не пойду! — твердо и отчаянно заявил Лешка. — Будь дома отец, так я бы уж давно... — Про отца Лешка сказал с умыслом: пусть вспомнит, чей он сын.

Силин, прищурясь, словно впервые видел, оглядел крепкую, не по годам рослую Лешкину фигуру. Прикинув что-то в уме, поколебавшись, он вдруг спросил:

— Не трусишь?

У Лешки отчаянно забилося сердце.

— Не... я не струшу!..

Силин пожал плечами:

— Ну, оставайся, коли так, будешь при мне для поручений...

Так Лешка стал связным.

Вскоре он уже носился по ночному затаившемуся Херсону, разносил по заводам записки Силина. Он побывал на Забалке, на верфях и всюду видел одно и то же: формировались отряды рабочих и, вооруженные чем попало — винтовками, охотничьими берданами, винчестерами и даже старыми шомпольными ружьями времен турецкой войны, — уходили в ночь, в темноту, на исходные рубежи предстоящего восстания. И было радостно чувствовать себя среди этих людей участником надвигавшихся событий.

Одно омрачало Лешкино существование: оружия у него не было, а попросить у Силина не представлялся случай...

Начало

Возвращаясь с верфей Вадона, Лешка едва не наткнулся на немцев.

Отряд человек в тридцать шел по улице Говарда. Прячась в тени домов, Лешка двинулся следом.

Немцы свернули на Суворовскую и прошли ее насквозь, туда, где белело двухэтажное здание городского почтамта.

«Почту идут занимать», — догадался Лешка.

В конце улицы, чуть наискосок от почты, находился небольшой пустырь, заваленный строительным мусором.

Притаившись за грудой щебня, Лешка видел, как немцы взломали широкую трехстворчатую дверь почты и вошли внутрь. На улице остался патруль, человек пять. Забранные решетками окна первого этажа осветились.

Вернувшись в Союз, Лешка рассказал о виденном Силину. Тот нахмурился.

— Это точно?

— Точно!

— А у Вадона был?

— Как же. Велено передать, что все сделают. И насчет Забалки чтобы не беспокоиться: там будет, как условлено.

— Добро. А как ты к почтамту попал, это вроде не по пути?

Лешка рассказал, как наткнулся на немцев и шел за ними до почты. Силин расспросил, сколько было немцев, как вооружены. Потрепал Лешку по плечу:

— Ишь ты, разведчик! Ну, посиди там, в зале, обожди меня.

Лешка вышел в зал, где в это время никого не было и только на скамье возле двери в комнату Совета сидел молодой парень-фронтовик и мотал серые, донельзя затрепанные обмотки. Лешка сел рядом с ним. У парня было безусое скуластое лицо, из-за воротника шинели выпятился край старого вафельного полотенца, которым он, как шарфом, обмотал шею. Полотенце было черное от грязи.

Надежно закрепив шнурок обмотки, парень распрямился, взглянул на Лешку и вдруг сдвинул редкие бесцветные брови.

— Ты кто такой? — подозрительно спросил он.

— А ты кто? — в тон ему отозвался Лешка.

— Я Николай Пахря, меня всякий знает. А ты кто — кадет?

— Дура ты! С чего взял?

— Но, но, не дурачись! — угрожающе сказал парень. — Думаешь, не видал я вашего брата?

— Вот и факт, что не видал. Не кадет я: гимназистом был.

— Гимназистом? — недоверчиво переспросил Пахря. — А шинелька-то вроде кадетская. Небось врешь? Погоны снял, думаешь, и не видно тебя? Шпионить сюда пришел?

Пахря был одного роста с Лешкой и, по-видимому, одной с ним силы.

— Сам ты шпион! — наливаясь злобой, проговорил Лешка. — За такие слова, знаешь...

— Ты еще угрожать!

Не успел Лешка опомниться, как Пахря был уже на ногах и держал в руках винтовку.

— А ну, руки вверх! — заорал он, щелкая затвором. — Руки вверх, говорю, кадетская морда!

Лешка вскочил, сжимая кулаки... Так они стояли друг против друга, когда в коридор вышел Силин вместе с командиром одного из отрядов — Костюковым, плотным, сутулым фронтовиком, с длинными, концами вниз, рыжими усами.

- Что у вас тут? — нахмурясь, спросил Силин. — Убери винтовку, Пахря.
- Подозрительный тип, товарищ Силин, — доложил тот, — кто такой — неведомо.
- Убери винтовку, тебе говорят. Это свой человек, мой связной.
- Связной?.. Чего же он молчал?
- А чего кричать?
- Ну сказал бы, что свой, а то сразу на дыбки!..

Силин спросил Лешку:

- Ты можешь провести людей к почте?
- М-могу, — с трудом приходя в себя, вымолвил Лешка.
- Только пройти надо аккуратно, чтобы никто не заметил. Сможешь?
- Смогу, товарищ Силин.
- Бери его, Михайло, — сказал Силин Костюкову, — паренек ничего, боевой. — И он

дружески подмигнул Лешке.

И тут Лешка решил:

- Товарищ Силин, винтовку-то дайте мне.

Силин перестал улыбаться.

- Винтовок нет. Какие были, роздали по заводам.

— А как же я...

- Что ты? Смотри, Алексей: отведешь людей и сразу назад. Под пули не лезь. Понял?

— Понял... — Лешка кусал губы.

Тут басом заговорил Костюков:

- Что же ты, Петро, посылаешь парня на задание, а оружие не даешь. Нехорошо.
- Ты-то уж молчи! Тебе бы только лишнего человека.
- А что: парень не маленький...

Силин взглянул на Лешкино огорченное лицо.

- Тьфу, незадача! Иди за мной...

С заколотившимся сердцем Лешка прошел за ним в комнату Совета. Здесь уже никого не было, только за столом сидел изможденный писарь. В углу лежала груда вещевых мешков. Силин достал свой мешок, порылся в нем и повернулся к Лешке:

- На, бери.

В руке он держал большой «смит-вессон». Лешка схватил револьвер.

- Обращаться умеешь? — спросил Силин. — Дай сюда...

Он переломил ствол, показал, как заряжать, потом отсыпал Лешке на ладонь длинные, тускло мерцающие медным блеском патроны.

- Ну, доволен? Теперь все. Жми! Надо успеть дойти затемно...

Выбирая самые тихие переулки, Лешка вывел отряд Костюкова к «почтовому» пустырю. Они подошли через проходной двор со стороны, противоположной почтамту, где пустырь окаймляли глухие неоштукатуренные стены домов, обращенных фасадами на другую улицу.

Вместе с Лешкой в отряде было двадцать два человека. Они залегли под стенами.

Ночь шла на убыль. Рассвет вставал сырой, промозглый, но вверху, над туманом, все ярче голубело небо, обещая впервые за много дней светлую погоду.

...Это была, возможно, первая в Лешкиной жизни бессонная ночь, но усталости он не чувствовал. Все в нем напрягалось и дрожало от ожидания.

Он лежал на земле за грудой битого кирпича (было приказано не высовываться), подрагивая от сырости, и крепко сжимал теплую рубчатую рукоятку револьвера, который он как взял у Силина, так до сих пор и не выпускал из руки.

Рассветная мгла редела. Все отчетливее проступали распластанные на земле неподвижные фигуры фронтовиков. Лешка с удивлением увидел, что некоторые из фронтовиков спят, уткнувшись в рукава шинелей. Костюков, облокотясь, смотрел в сторону почтамта. Рядом с

Лешкой, в двух шагах, оказался его давешний знакомец — Пахря. Заметив, что Лешка смотрит на него, Пахря весело подмигнул и зашептал:

— Эй, связной... Дрожишь?

— Чего дрожать-то? — словно бы нехотя отозвался Лешка.

На самом деле он был не прочь сейчас поболтать с парнем. Злобы к нему уже не было, а среди фронтовиков Пахря больше других подходил Лешке по возрасту.

— Сыро, не приведи бог, — пожаловался Пахря. — Сейчас бы сигарочку...

Он подполз к Лешке поближе и, улыбаясь широким ртом, зашептал:

— Ты чего давеча не сказал, что при Силине состоишь? Кабы не он, был бы ты покойник.

— Ну уж...

— Вот те и ну. Я, знаешь, какой? Я за революцию кого хошь могу уложить. Правда!

Его пнули сапогом в бок. Костюков издали грозил им кулаком. Пахря поднял руку, показывая, что все, мол, в порядке, понятно, еще раз подмигнул Лешке и вернулся на свое место...

Время тянулось медленно. Прошел час. Рассвело. Туман оторвался от земли и стал подыматься вверх, сбиваясь над крышами в серенькое облачко. Невидимое еще солнце подсветило его алым цветом. Холод стал ощутимей, пробирал насквозь. Лешке казалось, что он промерз до последней косточки...

Но вот наконец издалека, из центра города, со стороны городской думы, донесся неясный шум, словно где-то повалили дерево и оно, с треском ломая ветви, тяжело ухнуло о землю.

Лешка оглянулся. Фронтовики поднимали головы, прислушиваясь.

Через несколько секунд шум раздался снова. Теперь было отчетливо слышно, как беспрядочно, вперебой, лопались винтовочные выстрелы, потом коротко стрекотнул пулемет.

— Началось, — проговорил Пахря и зачем-то вытер рот рукавом.

«Началось... началось...» — стучало Лешкино сердце.

— Готовься! — вполголоса бросил Костюков. — Стрелять по команде, залпом.

Лешка осторожно выглянул из-за своего укрытия.

Возле почтамта встревоженно сустились патрульные. Из дома, застегивая шинель, выбежал худощавый молоденький офицер. Начальник патруля начал докладывать ему. Офицер закричал высоким пронзительным голосом, и патрульный, козырнув, побежал вдоль улицы в сторону выстрелов. Офицер ушел в дом. «Послал узнать, что там такое», — догадался Лешка.

Вскоре посланный вернулся. Он мчался со всех ног, подобрал руками полы шинели. Винтовка болталась у него на спине. Он что-то крикнул патрулю и вбежал в дом.

— Чего ждем? — услышал Лешка голос Пахри. — Атаковать ладо.

— Цыть! — Костюков, бешено округляя глаза, стукнул кулаком по земле.

Через несколько минут из дома показался офицер, вслед за ним начали выскакивать солдаты. Резко звучала команда. Солдаты быстро построились. Офицер прошелся перед строем, остановился, широко расставив ноги, и заговорил — слышались хлохчущие, непривычные интонации его голоса.

— Прицел два, — раздался голос Костюкова. — Залпом по германской пехоте... — Мгновение подумал: — За революцию... пли!

И не успел Лешка осознать слов команды, как грохнул залп.

В тупой глухоте Лешка расслышал лязг затворов и снова:

— Пли!

Немцев точно отмело к стене почтамта. Поднялся Костюков и негромко, деловито сказал:

— Айда в атаку.

Лешка бежал вместе со всеми, прыгая через груды мусора, что-то кричал...

Немцы отступали вдоль улицы. Некоторые стреляли на ходу. Лешка мельком видел, как невысокий пожилой солдат бросил винтовку и, приседая от ужаса, поднял руки. На него набегал Пахря...

Лешка догонял немца с широкой круглой спиной. Он видел, как под шинелью у того ходили лопатки, как взблескивали подковки на сапогах...

В конце квартала немец обернулся и выстрелил. Пуля свистнула возле самого Лешкиного лица...

От этого свирепого свиста, от внезапного сознания, что это сама смерть пронеслась рядом, Лешка оторопело остановился. Немец был уже около угла. Тогда, вспомнив о револьвере, Лешка поднял его и прицелился. Мушка запрыгала, потерялась на серо-зеленой шинели. Тяжелый револьвер дернулся, вырываясь из руки...

Лешка впервые в жизни стрелял в человека, и он не сразу уловил связь между своим выстрелом и тем, что произошло.

Немец вдруг метнулся в сторону, припал к стене дома и, прижимаясь к ней спиной, обернулся. Мясистое перекошенное лицо его на Лешкиных глазах обмякло и посерело. Роняя винтовку, он пошарил рукой по стене, нашел водосточную трубу, вцепился в нее и стал медленно садиться на землю. Пальцы его скользили по запотевшей от сырости трубе, оставляя на ней мокрые следы. Потом он упал...

Лешка осторожно подошел к нему.

Немец лежал ничком, подогнув ноги, и на его шинели, между лопатками, где вошла пуля, виднелась маленькая рваная дырочка.

Лешка стоял, потрясенный серьезностью происшедшего. Все, что было до сих пор, казалось теперь мелким, не стоящим внимания. «Игра в революцию» кончилась. Теперь Лешка становился человеком, окончательно и бесповоротно выбравшим свой путь в жизни.

Если Лешка и не сказал себе всего этого, то, во всяком случае, так он чувствовал. А слов было только два: «Вот оно...»

Улица опустела, несколько убитых лежало на мостовой. За углом хлестали выстрелы и слышались крики.

Лешка поднял винтовку убитого им немца и, не оглядываясь, побежал туда, где вели бой его товарищи.

Весь день — двадцатое марта — Лешка пребывал в каком-то лихорадочном, тревожно-радостном угаре. Впоследствии он никак не мог припомнить, что было раньше, что позже. Все смешалось в его памяти в один пестрый, грохочущий клубок. Он был возле думы, врвался в белый особняк херсонского миллионера Соколова, где находился немецкий штаб, громил оружейный магазин Фрикке на Суворовской улице. Потом все с тем же небольшим отрядом Костюкова он попал на улицу Говарда и видел, как фронтовики отбили у немцев десять грузовиков, на которых те пытались вырваться из города. Два подорванных гранатами грузовика образовали баррикаду, перегородившую проезжую часть улицы. Немцы залегли под колесами уцелевших автомобилей и открыли пулеметный огонь. Фронтовики пошли в штыковую атаку... А потом на одном из захваченных грузовиков Лешка носился по городу и вылавливал прятавшихся по дворам и чердакам немецких солдат...

К вечеру Херсон был свободен. Но ненадолго. Уже на следующее утро отступившие к Николаеву остатки немецких и гайдамацких отрядов вернулись с подкреплением.

И все началось сначала. Дрались на Забалке, в Сухарном, у вокзала и на кладбище, у больницы Тропиных и в Военном фортштадте. В портовых мастерских чинили пулеметы и винтовки. Херсонские мальчишки сновали по передовой, собирая расстрелянные гильзы. Во многих дворах чадили жаровни — там отливали пули. По улицам то и дело проходили отряды Красного Креста. Все городские лечебницы были забиты ранеными.

Наконец восставшим удалось выбить немцев из Херсона и отбросить их почти на тридцать километров от города. Власть перешла в руки Совета пяти, созданного из представителей фронтовиков и рабочих.

Было ясно, что нового наступления немцев ждать придется недолго. Однако обстоятельства сложились так, что город получил небольшую передышку. Вспыхнуло восстание в Николаеве. Рабочих и фронтовиков там было значительно больше, чем в Херсоне, но и немецкий гарнизон намного сильнее. На подавление николаевского восстания были переброшены германские и австро-венгерские части. Ходили слухи, что ими руководит недавно прибывший с Западного фронта генерал Бем-Ермоли...

События в Николаеве на время отвлекли внимание немцев. В эти дни нельзя было узнать некогда тихий патриархальный Херсон. Он заметно опустел с тех пор, как фронт отодвинулся от города. Оживленно было только в рабочих районах. На центральных улицах царило безлюдье и пугливая тишина. По вечерам сквозь заложённые ставни редко-редко пробивался наружу неосторожный луч света. На дверях магазинов висели пудовые замки. Витрины покрылись черными листами гофрированного железа. В ожидании лучших времен жители предпочитали не показываться на улицах.

С утра за город тянулись угрюмые колонны херсонцев с кирками и лопатами. По приказу оперативного штаба восставших они шли строить укрепления...

Однажды, пробегаая мимо одной из таких колонн, Лешка услышал, как его окликнули. Человек тридцать обывателей, одетых так, словно их отправляли в сибирскую ссылку, шли по Кузнечной улице. Их сопровождали двое рабочих с винтовками. В конце колонны Лешка увидел Павла Никодимыча Глущенко. Зять был в высоких болотных сапогах, стеганой телогрейке и старой кепчонке с пуговицей на макушке. Он отчаянно моргал, делая Лешке знаки подойти. Лешка сразу понял, что ему нужно. Глущенко, конечно, будет просить, чтобы Лешка помог ему освободиться от трудовой повинности — с такими просьбами в штаб восстания приходили многие.

«Как же, дождешься ты от меня! — подумал Лешка. — Другим работать, а тебе, значит, дома сидеть? Ничего, потрудись на революцию!»

Он сделал вид, что не понимает сигналов зятя, и убежал.

За все это время Лешка только один раз побывал дома. Он предстал перед домашними опоясанный широким кожаным ремнем, подаренным ему Пахрей; на ремне висел револьвер в желтой скрипящей кобуре — Лешка раздобыл ее в конфискованном фронтовиками оружейном магазине.

Глущенко не стал с ним разговаривать. Он презрительно оглядел Лешку с головы до ног и ушел в другую комнату. За дверью негромко и зло прошипел:

— Папашенькин сынок, ничего не скажешь!..

Лешка ухмыльнулся.

Екатерина, увидев брата, заплакала:

— Что ты делаешь, Лешенька! Убьют тебя где-нибудь! Что я папе скажу?

— То и скажешь, что убили, — жестко ответил Лешка. — Не бойся, ничего тебе не будет. Папа поймет...

Он сказал, что состоит связным при Силине и, если Екатерине понадобится что-нибудь, пусть приходит прямо в штаб, он, Лешка, поможет.

Потом, уступая просьбам Екатерины, съел тарелку борща и сменил белье. Он чувствовал себя взрослым и сильным человеком.

Силин был теперь членом оперативного штаба восставших. Лешка большую часть времени проводил в Ново-Петроградской гостинице на Ганнибалловской улице, где располагался штаб.

С утра и до позднего вечера в штабе не прекращался шумный людской круговорот. Шли рабочие и жены рабочих, крестьяне из окрестных деревень, обыватели. Сюда приводили спекулянтов, сильно набивших базарные цены на продукты, мародеров, воришек и прочий темный элемент, оживившийся в первые дни восстания. Большинство задержанных отпускали,

посулив в следующий раз разделаться с ними, как положено, самых заядлых уводили за город и там расстреливали. Возиться с ними было некогда.

Город готовился к обороне.

На помощь восставшему Херсону прибыл из Севастополя военный корабль с отрядом революционных матросов. Их встреча была похожа на праздник.

Лешка прибежал в порт вместе с огромной толпой горожан. Люди наводнили пристанские спуски, ребятишки облепили заборы и крыши портовых сооружений.

Широкий, осадистый военно-морской заградитель «Ксения» медленно и торжественно развернулся и, загнав под пристанские сваи пенную волну, ошвартовался. Молодцеватые, переkreщенные по груди пулеметными лентами матросы сошли на берег. На их поясах угрожающе бряцали гранаты. Похожие друг на друга, точно морские братья, они построились у пирса, красуясь выправкой и вооружением.

Кто-то крикнул:

— Да здравствуют черноморцы!

И толпа, взорвавшись приветственным ревом, кинулась к матросам. Их растащили в разные стороны, обнимали, хлопали по плечам. Командира отряда, коренастого здоровяка в широких брезентовых штанах, затеяли качать. Он взлетел над толпой, одной рукой придерживая гранаты и маузер, другой стараясь ухватиться за шею кого-нибудь из качавших его людей.

— Стой! — сиплю кричал он. — Стой, говорю, вашу мать!.. Дай слово бросить!..

Наконец ему удалось облапить высокого вадоновского металлиста. Держась за его могучую шею, матрос сорвал с головы бескозырку, обвитую двухцветной георгиевской лентой, и выкрикнул:

— Привет геройскому Херсону! Дадим немцу жару, ур-ра!..

— Ур-ра-а! — подхватила толпа. В воздух полетели шапки.

Матрос отпустил металлиста и откинулся на спину:

— Качай дальше!..

И снова взметнулись над головами его кирзовые солдатские сапоги, замелькала, разлетаясь на тонком ремешке, деревянная кобура маузера.

После короткого митинга матросы построились и прямо из порта отправились занимать оборону туда, где в ковыльной прихерсонской степи легли линии окопов. Толпа провожала их через весь город.

В тот же день в Херсоне появились оборванные люди с винтовками. Их покрывала копоть и пыль. Некоторых вели под руки, а то и несли на носилках, сооруженных из жердей и шинелей. На запыленных бинтах чернели пятна крови. Это были николаевские повстанцы, которым удалось пробиться к Херсону сквозь кольцо немецких войск...

А на следующее утро на подступах к Херсону прозвучал первый орудийный выстрел — подошли немцы. Началась неравная борьба за город.

На часах

Силин позвал Лешку:

— Вот что, парень, мне с тобой разговаривать недосуг, так без возражений... Людей у нас мало, каждый человек на счету, а штаб тоже надо охранять, правда? Так вот: из связных я тебя списываю, и будешь ты состоять в караульной команде. Ясно тебе?

Лешке было ясно: о том, чтобы попасть на передовую, нечего и думать.

— Как же, товарищ Силин... — начал было он.

Но тот не дал ему продолжать. Придавив ладонью какие-то бумажки на столе, он сказал негромко и решительно:

— Вопрос ясен. Иди к Ващенко, начальнику караульной команды, и доложишь. Всё! — Взглянув на покрасневшего от обиды Лешку, он добавил мягче: — Не торопись ты, друг Лешка, на тот свет! Право слово, не торопись. Дела впереди ой-ой!..

Спорить было бесполезно.

— Есть, — сказал Лешка, сжал зубы и отправился в караульную команду.

...Это было просторное помещение на первом этаже, где в ряд стояли дощатые топчаны с соломенными тюфяками и роскошные никелированные кровати, перенесенные сюда из гостиничных номеров. Посередине комнаты были составлены в козлы винтовки. На столах валялись солдатские котелки и огрызки снеди. Трое свободных от караула фронтовиков спали, не раздевшись, на кроватях.

Длинный, худой и добродушный начальник караула Ващенко, увидев Лешку, засмеялся:

— Ага, засадили горобца за железные прутья, а ему бы летать да летать!.. Ничего, ординарец, привыкай к дисциплине, така солдатская доля. Ну, сидай и слухай, яка у тебе буде служба...

Через час Лешка уже стоял часовым у входа в гостиницу.

Издалека, с запада, катился орудийный гул. Там, на подступах к Херсону, было настоящее дело. Там дрались насмерть черноморские матросы, там были Костюков и Пахря, с которыми Лешка успел сдружиться за это время...

А в городе пусто, безлюдно. Ветер нес пыль и песок по притихшим улицам. Редко показывались прохожие. Они шли торопливо, прижимаясь к домам, и испуганно оглядывались каждый раз, когда вздрагивала земля, донося тяжелый артиллерийский удар...

За то время, что Лешка стоял на посту, если не считать запыленных, падающих от усталости ординарцев, к штабу подошло всего несколько человек.

Двое крестьян — один бородач в зимней шапке, другой, помоложе, белобрысый, веснушчатый и вислогубый — спросили:

— Де тут бильшевики, яки керують всим дилом?

Оказалось, что они приехали на баркасах из Алешек, привезли продовольствие и обратным ходом могут захватить раненых.

Лешка направил их в канцелярию штаба.

Заплаканная старая женщина пришла узнать о судьбе своих сыновей. Всхлипывая, прикрывая платком морщинистый рот, она жаловалась Лешке, что вот «ушли ее лайдаки, не сказавшись, а теперь неведомо, вернутся или нет. Где тут начальство, которое знает?..»

Лешка сказал, что из начальства сейчас никого нет, все ушли на передовую, а сыновья женщины в свое время вернутся, пусть не плачет.

Женщина спросила:

— А ты кто, сынок, будешь?

— Часовой я, — ответил Лешка, — штаб охраняю.

— Вот и моих бы поставили, — вздохнула женщина, — они отчаянные...

— Идите, мамаша, домой, — сказал Лешка. — Слышите: стреляют.
И она ушла.

Потом из-за угла, из Успенского переулка, появился коренастый парень в длинной гимназической шинели и фуражке, заломленной, по моде старшекласников, на манер бескозырки. Он вскользь глянул на Лешку и перешел на другую сторону улицы. Лешка узнал его: это был Виктор Марков, учившийся с ним в одной гимназии на класс старше.

«Чего шляется? — подумал Лешка, проводив его глазами. — Революционер лабазный...»

В гимназии Марков считался силачом и всегда бывал заводилой в драках. Отец его имел мельницу за Днепром и речную баржу. После революции дела Маркова-старшего пошли худо, и он куда-то исчез из города, а Виктор остался в Херсоне с матерью. Лешка иногда встречал его на митингах. Виктор носил черную косоворотку и, случалось, даже выступал с речами от партии социалистов-революционеров. Язык у него был хорошо подвешен; он умел сыпать красивыми словами о спасении революции от анархии и большевиков.

Перейдя улицу, Марков вдруг словно вспомнил что-то, повернулся и направился прямо к Лешке.

— Здорово! — сказал он, подходя и широко улыбаясь. — Старый знакомый!

— Здорово, — буркнул Лешка.

— Ишь ты какой стал! — сказал Марков, окидывая взглядом Лешкину винтовку и желтую кобуру. — Не человек — арсенал!

Он засмеялся, обнажая розовую, усаженную крепкими зубами десну. У него были твердые скулы, выпирающий вперед подбородок. На левом виске небольшое родимое пятно. Он смотрел на Лешку, щуря узкие серые глаза, и, видимо, старался вспомнить его фамилию.

— Иду мимо, думаю: он или не он? Потом смотрю: нет, не ошибся! Так. Значит, караулишь?

— Караюлю.

— Что ж, дело нужное. Закуривай. — Он достал из кармана кожаный портсигар.

— Не курю.

— Зря. С папирсой стоять веселей. — Марков закурил, оглянулся и по-простецки спросил осклабясь: — Как же это ты в красные солдаты попал?

— А что мне, с немцами, что ли? — угрюмо проговорил Лешка. Самоуверенный, явно навязывающийся в знакомые Марков раздражал его. «Что ему надо? — думал Лешка. — Чего пристал?...»

— Я не говорю... — Марков пожал плечами, выпустил изо рта струйку дыма. — Но ведь и здесь гиблое дело.

— Что?

— Да все вот это. С немцами нам не совладать. Они одной артиллерией кашу наделают. Слышишь, как дают?

Лешка не вытерпел. Там люди кровь проливают за революцию, а этот здесь болтает на манер Глушенки.

— Вот что, — сказал Лешка и сдвинул пальцами винтовочный ствол, — иди отсюда, здесь стоять нельзя.

Марков поднял брови.

— Какие строгости!.. Ну ладно, мне самому некогда с тобой лясы точить. Да, кстати, надо бы зайти сюда, к вам...

— Зачем?

— Есть дельце.

— Какое дельце?

За Лешкиной спиной хлопнула дверь, послышались шаги Ващенко.

— Да так, пустяки, — сказал Марков, — насчет хозяйства. Можно и в другой раз, терпит. Ну, прощай, пойду.

— Прощай.

Марков кивнул Лешке головой и отошел.

— Кто такой? — спросил, проходя, Ващенко.

— Так, один... В гимназии вместе учились. Купеческий сынок. Болтал разное...

— Я его в другой раз примечаю, — сказал Ващенко, — шляется тут! Ну як служба иде?

— Какая это служба!

Ващенко добродушно усмехнулся:

— Не сумуй, горобец, приїде и до нас стояще діло.

Над домами волоклись клочья низких дымных облаков. Вдали тупо и настойчиво долбили землю артиллерийские разрывы.

Ващенко и Лешка долго стояли рядом прислушиваясь.

Свернув за угол, Марков ускорил шаги. В конце квартала он остановился и посмотрел по сторонам. Никого не заметив, он хотел уже идти дальше, но в это время за его спиной раздалось осторожное покашливание.

Высокий поджарый человек в солдатской шинели и кожаной фуражке стоял под извозчичьим навесом в нише большого каменного дома. Можно было подумать, что это один из жильцов вышел покурить на ветерке. Марков подошел к нему.

— Вы здесь, господин...

— Тише! — остановил его человек. — Господа устранены в прошлом году, — сказал он медленно, четко выговаривая каждый слог. — Вы видели нашу знакомую?

— Нет, не удалось.

— Почему?

— Совершенно непредвиденный случай: на часах у входа стоит мальчишка, который знает меня по гимназии. Я не рискнул.

— Так. Что же вы собираетесь теперь делать?

— Я, право же, не знаю. Надо подождать...

Человек в шинели слегка оттянул рукав с кисти. На его запястье, под серым шинельным сукном, оказались дорогие часы на массивном золотом браслете.

— Повидать нашу знакомую есть необходимость в ближайшие два-три часа максимум, — сказал он. — Не уходите далеко. Выберите момент, когда там будет более людей и когда сменят этого... вашего мальчишку. Помните: только два-три часа! — Он погасил папиросу о стену дома, хотел бросить, но, подумав, положил окурочек в карман. — Я имею надежду на вас... Вас зовут Виктор, виктори — это значит победа. — Он улыбнулся тонкими и точно завернутыми внутрь губами.

— Я постараюсь... — сказал Виктор.

— Желаю удачи. Вы знаете, где меня разыскивать?

— Да, конечно.

— Хорошо, я жду.

Не поворачивая головы, человек в шинели обвел глазами улицу, сунул одну руку за пазуху и, не прощаясь, неторопливо пошел по тротуару.

Теперь со стороны он казался раненым фронтовиком.

Пантюшка Дымов

Лешка был недоволен жизнью. За три дня, что он нес скучную и, как ему казалось, никому не нужную службу в карауле, у него притупилось ощущение того, что сам он принимает участие в боевом и славном деле обороны города. События двадцатого марта, первый бой у почтамта, разгром оружейного магазина — все это казалось ему теперь далеким, смутным, как во сне, точно происходило не с ним, а с каким-то другим, посторонним человеком.

Между тем положение в Херсоне становилось угрожающим. Покончив с Николаевом, немцы бросили на Херсон две дивизии численностью более двадцати тысяч штыков. Это почти втрое превосходило силы защитников города. Фронт постепенно приближался к городским окраинам, с каждым днем все отчетливей слышалась оружейная канонада.

Несколько раз над Херсоном появлялся немецкий самолет и сбрасывал листовки. Командующий немецкими войсками обещал через несколько дней захватить Херсон и приказывал прекратить сопротивление.

Бои шли жаркие. Станции и деревушки на подступах к Херсону — Снегиревка, Станислав, Бобровый Кут, Александрова — переходили из рук в руки. Ряды защитников Херсона таяли, а немцы становились все наглее. Неожиданным рейдом у станции Копани они захватили большой обоз с фуражом, провиантом и боеприпасами. В городе поговаривали о предательстве.

Обо всем этом Лешка узнавал со слов, оброненных на ходу вечно спешащими ординарцами, да из обрывков случайно услышанных разговоров штабных работников. Он чувствовал себя посторонним, ненужным, и в нем, вместе с обидой на Силина, который отстранил его от настоящего дела, назревало желание плюнуть на все и бежать на передовую, к Костюкову. Уж там бы он показал себя!..

Неожиданно все изменилось. И Лешка оказался в гуще таких событий, о которых и не помышлял.

Началось с того, что к Лешке в штаб явился его старый друг Пантюшка Дымов.

Сменившись с очередного караула, Лешка пошел добывать еду в гостинный двор — там, готовясь ехать на передовую, топились захваченная у немцев походная кухня. Получив ломоть хлеба и котелок пшенной каши, Лешка уныло съел их, сидя на каменной тумбе в углу двора. Повара задраили котел, погасили огонь и впрягли в кухню пегую лошадь. Потряхивая длинной трубой с железным колпаком наверху, кухня выехала за ворота. Двор опустел. Лешка поплелся в караулку.

Первый человек, которого он увидел, войдя в комнату, был Пантюшка. Он сидел возле стола, держа между колен короткую кавалерийскую драгунку.

— Эге, здорово! — обрадованно сказал Лешка.

Пантюшка поднялся ему навстречу. Лешка сразу заметил в нем значительные перемены. Прежде всего, Пантюшка был ранен. Левый рукав его черной, перешитой из матросского бушлата куртки свободно болтался: рука была подвешена на полосатой косынке. Пантюшка осунулся, под глазом у него темнел сине-желтый кровоподтек.

— Ты откуда взялся? — спросил Лешка.

— Не спрашивай, — хмуро ответил он. — Всюду был — цейхгауз брал, на передовой околачивался, вот пришел...

— Что так?

— Прогнали...

— Из-за руки, что ли?

Пантюшка не ответил. Помолчав, он насупился и сказал:

— Я за делом пришел.

— Ну?

— Устрой меня, Леш, к вам, хотя бы... Хожу как неприкаянный.

— Вот те раз! — удивился Лешка. — Да ты расскажи, что было?

Пантюшка сел на табурет, с подозрением посмотрел на двух спящих в углу фронтовиков.

— Чего рассказывать... — неохотно начал он. — Как мы с тобой разошлись, пошел я к батю и говорю: «Принимай в отряд, и все тут; небось, — говорю, — чужих сыновей тебе не жаль!..» Ты моего батю знаешь. Оскалился и на меня: «Я вот тебе покажу, — говорит, — кого мне жаль, а кого не жаль!..» А кулаки у него известно какие — почище свинчатки. Ну, я связываться не стал, ушел и думаю: «Тоже мне революция, когда человеку ходу не дают. Без вас обойдусь». Стал тебя искать — не нашел. Что делать? Добыл дрын железный, сам, думаю, буду воевать. Всю ночь по городу шатался, приглядывался к немцам. Потом вижу: идут куда-то фронтовики. Я за ними. Они в засаду сели возле цейхгауза, и я недалеко пристроился. На рассвете, когда вся буча заварилась, те фронтовики давай цейхгауз брать. Пальба началась, фронт! Немцы побежали. Я за углом приспособился и, как немец выскочит, я его дрынком по каске-р-раз! Он с карачек. Другой выскочит, я и другого. Штуки четыре немцев уложил!..

— Ты не завирайся, — предупредил Лешка.

— Вот как бог свят! — воскликнул Пантюшка. Впрочем, он не стал задерживаться на доказательствах и продолжал: — Как взяли цейхгауз, я, конечно, винтовку раздобыл и уже от тех фронтовиков не отставал. Ребята хорошие, командир у них — Павленко фамилия, и меня не гнали. Стал я с ними ходить...

— А сюда почему не заглядывал? — спросил Лешка — Не видал я тебя.

— Сюда не ходил, чтобы батю не встретить. Да и почему я знал, что ты здесь... Ну вот. После, значит, ушли мы на передовую. Ох, что там было, Леш! Матросы немцев гранатами глушат, что твоих карасей! Я там, к слову, про тебя узнал, что при Силине состоишь, сказал один фронтовичок, молодой такой, зубастый.

— Пахря, должно быть?

— Пахря, верно! Мы с ним по соседству были. Ну вот. Вчера вечером, как подзатихло, сели вечерять, вдруг откуда ни возьмись — идет!

— Кто идет?

— Да батя мой! К нему, понимаешь, сестренка, Верка, прибежала, еду из дому приносила, конечно, плачет, дура, и говорит про меня, что, мол, пропал, может, даже убили где-нибудь. Батя, конечно, в расстройство. А тут кто-то ему и скажи, что видел меня на передовой у Павленки... Ну, конечно, берет за грудки и давай честить из души в душу, это при всех-то. Мне бы промолчать, а я возьми да ляпни: несознательный ты, батя, человек! И про революцию загнул, что, мол, не понимает... Ну, тут он и разошелся. Вон какую красоту под глазом посадил, людям стыдно показаться!..

— Да-а, — протянул Лешка, разглядывая синяк. — Приложил крепко.

— Это что! — поморщился Пантюшка. — Синяк — это бы ничего, так он давай меня с передовой гнать. И Павленке сказал, и другим командирам, чтобы не пускали больше... А там, Леш, дела-а! Твой-то Пахря со своими ушел в ночь на какое-то особенное задание, я бы тоже мог пристроиться, кабы не батя.

— Куда они ушли? — с ревнивым чувством спросил Лешка. Об отряде Костюкова он привык думать, как о своем отряде.

— Точно не знаю, — сказал Пантюшка, — говорили, на какой-то железнодорожный разъезд. Теперь, Леш, мне другого выхода нет, как только сюда. Ты скажи, можешь пристроить меня или нет?

— Попробую. А как же с твоей рукой? Не помешает?

Пантюшка стрельнул глазами в угол и, понизив голос, сказал:

— Рука — пустяк! Царапнуло слегка еще в первый день. Я ее для красоты подвесил. Засмеют ведь на нашей улице, если узнают. А так каждому видно: раненый человек. Рука здорова!

Он выпростал руку из повязки и повертел ею в воздухе.

Это значительно меняло дело. Лешка сразу почувствовал себя уверенней: настоящая боевая рана ставила Пантюшку в один ряд с бывалыми фронтовиками. Теперь же они оказывались на равном положении.

— Хитер ты, — засмеялся Лешка. — Тряпку своюними, Силин увидит, не возьмет.

Пантюшка поспешно — через голову — снял косынку, запихнул ее в карман, встал, надел винтовку.

— Пошли!..

Мрачные новости

В маленькой канцелярии, где около окна сидели писаря, их обогнал ординарец. Влетел в штабную комнату и захлопнул дверь. Лешка сунулся было за ним, но оттуда раздался окрик: «Обожди!»

— Садись, — сказал Лешка, указывая на стул. — Освободятся, тогда зайдем.

Вскоре дверь отворилась, из комнаты вышла женщина в черном платье, молодая, сухопарая, с гладкими, расчесанными на пробор желтыми волосами. Мельком взглянув на ребят, она села за стоявший возле двери канцелярский стол, на котором громоздилась пишущая машинка. Лицо у женщины белое, веки приспущены, губы поджаты неприступно и презрительно. Это была машинистка Совета, работавшая здесь с тех пор, как штаб переехал в гостиницу.

У Пантюшки при виде этой женщины как-то сам собой раскрылся рот. Он тронул Лешку за рукав:

— Леш, а Леш, это кто?..

— Постой! — отмахнулся Лешка.

Дверь в штабную комнату осталась открытой. Отчетливо доносились голоса:

— ...Где это получилось?

— На самом разъезде... — задыхаясь, говорил ординарец. — Хотели они оборону занять, а немцы тем часом сидели, попрятавшись, на огородах... Вот тут и началось...

Лешка не успел еще понять, о чем говорят, но упоминание о разъезде, куда, по словам Пантюшки, ушел отряд Костюкова, наполнило его тревогой, каким-то неясным предчувствием беды.

— По порядку докладывай, как было! — сказали за дверью. По густому, с энергичной хрипотцой голосу Лешка узнал Попова — одного из членов Совета пяти, большевика.

— Было, стало быть, так... Пошли они на разъезд, как приказано... Днем наши ходили туда на разведку, все кругом обшарили, немцев не было...

— Немцам разъезд ни к чему, — пробасил кто-то.

— Пришли... Все кругом тихо, никого не видно. Только стали оборону копать, а тут их пулеметами со всех сторон и зачали косить — засада!..

— Костюков живой?

— Какое там! Двое только и ушли, в больницу Тропиных отправили. Один так совсем кончается. Люди говорят — предали их...

У Лешки перехватило дыхание. Он растерянно оглянулся, точно желая убедиться, что он ослышался, что этого не может быть... Пантюшка, бледный, смотрел на него круглыми потемневшими глазами.

— Слыхал?

— Слыхал... Я ведь, Леш, с ними хотел идти...

Лешка, не отвечая, провел ладонью по щеке... Убили Костюкова... Как же это? Лешка вспомнил его кряжистую, плотную фигуру, крупное, морщинистое лицо с рыжими запорожскими усами. Такого, казалось, даже повалить невозможно, не то что убить... А Пахря?! Неужели и он... Шумный, крикливый, никогда не унывающий Пахря, с лукавыми, прозрачными, словно капли голубой воды, глазами...

Постепенно, точно издалека, до Лешки стал доходить решительный голос Попова:

— Предательство это или что иное — разобраться надо. Не в том сейчас гвоздь. Если немцы на разъезде, обстановка складывается совсем по-новому. Смотрите...

Через открытую дверь было видно, как в мутной от табачного дыма комнате несколько человек склонились над картой.

— Разъезд вот где... — говорил Попов. — Отсюда прямой удар по нашему правому флангу, почему мы и хотели укрепить его. Понимаете теперь, что грозит? Если немцы здесь нажмут, к вечеру ждите их в Херсоне.

Писаря около окна тревожно переглянулись. Машинистка, согнувшись над столом, разбирала чьи-то торопливые каракули. За дверью несколько секунд молчали, потом кто-то неуверенно проговорил:

— Людей сюда надо бы...

— Где ты их возьмешь, людей? — возразили ему.

— Перебросить придется...

— Откуда?..

Некоторое время ничего нельзя было разобрать: все говорили одновременно. Когда наступила тишина, послышался негромкий голос Силина:

— Чего кричать-то! Попов правильно судит. Фланг нельзя оставлять открытым — это факт. Откуда взять людей? А вот откуда...

Силин предложил перебросить к разъезду отряд черноморских матросов. Это, конечно, сильно ослабит центр, где они теперь находились, но немцы, по-видимому, отказались от надежды пробиться в центре: вот уже второй день они усиливают нажим на флангах, а на участке черноморцев — затишье.

— Набили себе шишек, больше в центре не полезут, — спокойно, точно рассуждая о домашних делах, говорил Силин. — Оставим здесь заслон с пулеметами и хватит пока. Пусть матросы выбьют немца на фланге, а там их и на прежнее место можно вернуть...

Предложение обсуждалось долго, шумно и, наконец, было принято.

Из комнаты Совета вышли Силин, Попов, еще один из штабных — громоздкий, мрачного вида фронтовик Киренко и ординарец, сообщивший о гибели костюковцев. Подвижной, черноволосый, в штатском поношенном пиджачке, Попов подошел к машинистке:

— Пишите.

Она невозмутимо, как автомат, заправила в машинку два листа бумаги, проложенные копиркой, выжидательно положила пальцы на клавиши.

— Командиру революционного отряда севастопольских матросов товарищу Мокроусову, — начал диктовать Попов.

Силин, заметив Лешку, подошел к нему.

— Ты что здесь? — И, не дожидаясь ответа, сказал: — Будет до тебя дело, Алексей. Пойдешь со мной в больницу Тропиных, по дороге расскажу. Слышал. Костюков-то с отрядом в засаду попал?

Лешка кивнул. Силин помолчал, глядя в пол. На его щеках лежали тени.

— Так-то вот... Поди к Ващенке, скажи, что я тебя беру. А это кто такой? — Казалось, Силин только сейчас заметил Пантюшку.

— Дымов, Пантелей. В караульную команду просится, — ответил Лешка. — Его отец на табачной фабрике дружину организовал.

— Тимофей Дымов?

— Ну да.

Силин внимательно оглядел Пантюшку.

— Ладно, пусть идет с нами, — сказал он, — может, сгодится.

Пантюшка вытер залоснившийся лоб. Конечно, сгодится! Уж кто-кто, а он-то!..

Светские знакомства

И вот они идут втроем вдоль пустынной Ганнибалловской улицы: рослый, широкий в плечах фронтовик и два паренька — долговязый белочубый Лешка в гимназической шинели с револьвером на поясе и коренастый, крепкий Пантюшка, повесивший драгунку на плечо стволом вниз, что считалось особым шиком.

Весна наконец наладилась. Город был залит предвечерним солнцем. Поутихший ветер нес ароматы смолы, набухающих почек, выдувал из дворов запахи сырой земли и преющих листьев. Веселые воробьи ворошили пыль на мостовой. И только безлюдье да отрывистая дрожь недалекой канонады напоминали о грозной военной судьбе осажденного Херсона.

Силин повел себя странно. Молча пройдя несколько кварталов, он вдруг кинул взгляд по сторонам и свернул в один из дворов. Здесь было пусто. В углу двора под голыми деревьями стояли вкопанные в землю круглый стол и вокруг него — низкие скамейки. Силин указал на них ребятам:

— Сядьте.

Сам он сел напротив.

— Ну, хлопцы, вострите уши, что буду говорить!..

Глаза его смотрели не улыбочиво, строго, и Лешка ощутил холодок между лопатками от предчувствия, что разговор будет действительно серьезный и важный.

— Дела, значит, такие... — начал Силин. — Только смотрите, хлопцы, язык!.. — Он поднес ко рту сжатый кулак.

— Ясно.

— Не маленькие, — вставил Пантюшка. Ему очень хотелось понравиться Силину.

— Ну, ну, это я так, на всякий случай. Так вот, слушайте... Положение у нас сейчас тяжелое, людей мало. Немцев раза в три больше. Патронов не хватает. Худо! А должны мы продержаться, пока помощь не придет. Но вот какая стала наблюдаться штукавина: чуть у нас где слабина — немцы тут как тут. Вот, к примеру, Костюков с людьми... Шли они на чистое место, немцами там и не пахло, а пришли в засаду. Думаете, спроста это? Неспроста! Кто-то немцам дорогу указывает! А кто?.. Тут она и есть загвоздка. — Он помолчал, подвигал кустистыми бровями и продолжал, словно думая вслух: — В штабе у нас буза, ходят всякие, кому не лень. Тут тебе и эсеры, и самостийники, одного видел, так я точно знаю: бывший офицер, монархист, сволочь! На днях попа поймали, с немцами связь держал... Самому-то мне недосуг заняться порядком, вот и ходят... Короче, хлопцы, так. — Силин положил кулаки на шершавые доски стола. — Надо того шпиона изловить, который нас немцам выдает. И вот тут-то нужна мне ваша помощь! — Наваливаясь грудью на стол, он твердо и пристально посмотрел на ребят. — Слушайте: пока вы будете находиться при штабе, надо вам присматривать, кто приходит, с кем разговаривает, по какому делу. Если заметите что-нибудь подозрительное — сразу ко мне. Бывает, явится человек, ничего из себя особенного, ходит, ляды точит, а сам слушает, примечает и мотает на ус. Это — раз. А то, может, у него связь с кем из штабных. За этим особенно доглядывать надо. Враг в штабе — это последнее дело. Понимаете теперь, что от вас требуется?

— Понятно, товарищ Силин, — ответил Пантюшка.

— Дальше. Действовать надо с соображением, чтобы никому и не помнилось, чем вы заняты. Связь будете держать со мной, ну еще с Поповым — он в курсе дела. Другим ни гу-гу!.. Если что не ясно, говорите сразу, растолкую.

— Все ясно, — снова заверил Пантюшка.

Лешка промолчал. Он был разочарован. Значит, все-таки опять сидеть в штабе, а другие пусть дерутся... Он сжал зубы, подумал: «Сбегу!»

Силин, заметив желваки на Лешкиных щеках, сказал:

— Ты чего, Алексей? Не нравится? А ведь я вам настоящее дело предлагаю. Ты сам согласишься: пока шпионы ходят среди нас, мы перед немцами вроде голые, со всех сторон видны. Из-за них Костюкова убили, Пахрю, дружка твоего, и остальных... А сколько еще может погибнуть — думаешь о том? Мы их на задание посылаем, а немцы уже все наперед знают. И каюк: гибнут люди! Вот ведь как...

Он потянулся через стол, крепко взял Лешку за плечо:

— Ты вдумайся, какое это важное дело! Немцы к нам разведку засылают, а мы им вперек свою, чтобы их планы поломать. Я почему тебя выбрал да вот его? Вы хлопцы молодые, на вас никто внимания не обращает. А это-то как раз и нужно. Парень ты грамотный, умом бог не обидел, здесь ты сейчас больше пользы принесешь, чем на передовой. Всему нашему делу поможешь. Понял, Алексей, говори! — Он потряс Лешку за плечо.

— Понял, — сказал Лешка, — согласен...

— Дело это опасное, — продолжал Силин. — Шпионы — народ отчаянный, возможно, драться придется. Чтобы их уловить, смелость нужна, и тут тоже надо иметь, — он показал на голову. — Ясно тебе?

И, видя по глазам парня, что тот понял, поверил, отпустил его плечо, выпрямился и заговорил по-деловому:

— Я сейчас в больницу Тропиных пойду, повидать надо тех двух, что спаслись, после на передовую. Вы вертайте назад, в штаб... Только, хлопцы, язык за зубами и чтобы незаметно было, как и что! — Он встал.

Пантюшка, который уже давно порывался что-то сказать, остановил его:

— Товарищ Силин, у меня есть одно подозрение насчет шпионов, нынче в штабе увидел...

— Быстро, — усмехнулся Силин. — Не успел прийти, а уже шпиона разглядел. Ну, кого же ты увидел?

Пантюшка покраснел.

— Вы не смейтесь, я правду говорю. Женщина у вас там сидит, белобрысая такая...

— Машинистка, что ли?

— Во-во. Так я ее знаю: это фон Гревенец, баронесса.

— Кто-о?

— Фон Гревенец, говорю, губернаторская дочка!

— Ты что, очумел, парень?

— Правда, товарищ Силин! Я ее давно знаю.

Силин посмотрел на Лешку, точно спрашивая, не спятил ли его друг. Но тот растерянно глядел на Пантюшку.

...Не так уж велик город Херсон, и Лешке, его шестнадцатилетнему старожилу, давно уже стало казаться, что он знает в лицо всех горожан. Вот почему, увидя в штабе желтоволосую женщину в темном платье, которая вначале тоже показалась ему знакомой, он не стал задумываться, где встречал ее. Мало ли где! Где-то в Херсоне.

Слова Пантюшки дали неожиданный толчок памяти.

Как-то — было это давно, когда Лешка учился еще в четвертом классе — совместный бал мужской и женской гимназий, устроенный «по случаю дня ангела возлюбленного монарха», посетил херсонский губернатор барон фон Гревенец. Вместе с ним приехало пять офицеров и молодая дама — сухопарая, с бледной нездоровой кожей и пухлыми губами. Волосы ее были пышно взбиты, на шее и на руках сияли драгоценности.

Офицеры, снисходительно улыбаясь, танцевали с онемевшими от счастья и смущения гимназистками. Даму пригласил грозный инспектор городских училищ Левушкин. Они сделали несколько кругов по залу. На плечах дамы развевалась белая, из тончайшего газа, накидка.

Голову она держала неподвижно, слегка откинув назад, точно рассматривала угри на упитанном лице инспектора. После танца она подошла к стоявшим группкой офицерам, что-то сказала им, брезгливо усмехаясь, и они громко захохотали и стали по очереди целовать ей руку...

Вскоре все они уехали.

Сухопарая дама была дочерью губернатора. Ее звали Элиза фон Гревенец.

И вот, вспоминая штабную машинистку, Лешка уже не сомневался, что она и дочь губернатора — один и тот же человек, хотя и было на ней сейчас скромное платье и волосы зачесаны гладко, как у монашенки.

Лешка был ошеломлен. Великолепная, блестящая, насмешливая, вся точно из иного мира Элиза фон Гревенец и вдруг — машинистка в штабе восставших фронтовиков!..

Видя, какое впечатление произвели на Лешку слова его приятеля, Силин нахмурился и снова опустился на скамейку:

— А ну, рассказывай, что знаешь! — приказал он.

История Пантюшкиного великосветского знакомства была не сложна.

Напротив второй мужской гимназии находился так называемый Спортинг-клуб. Когда-то на том месте был велодром с дощатым, овальной формы треком, но так как любителей велосипедного спорта в Херсоне оказалось недостаточно, хозяин велодрома трек разобрал, и на его месте раскатали площадки и натянули сетки для лаун-тенниса. Пантюшка ходил сюда, понятно, не для того чтобы упражняться в шикарной английской игре. В Спортинг-клуб его пускал знакомый сторож. Здесь, подавая мячи игрокам, можно было заработать несколько пятаков, что было немаловажно для Пантюшкиного бюджета. В Спортинг-клубе он видел несколько раз молодую фон Гревенец. В короткой белой юбке, худая, с голыми ногами, она играла в теннис с офицерами местного гарнизона и с иностранным вице-консулом господином Бодуэном, аккредитованным в Херсоне. Это был очень высокий поджарый человек с гладким, без морщин, узким лицом, седыми висками и такими тонкими губами, точно они и вовсе отсутствовали. Сыграв несколько партий, он подолгу беседовал с фон Гревенец не по-русски и угощал ее английскими папиросами...

Все это ребята, как могли, рассказали Силину.

— Вот так история! — Силин крепко потер пальцами небритый подбородок.

Он начал вспоминать:

— Ее нам управляющий гостиницей подсунул... Говорил: вдова, раньше тоже у него работала. Фон Гревенец? И фамилия-то немецкая. Ну и ну!.. А смелая баба! Ее ведь, наверно, знают в городе?

— Кто ее знает! — возразил Пантюшка. — Жила-то она не здесь, только на лето приезжала. А как приедет, все больше у себя сидит, в Спортинг-клуб только и ходила. Да и разве такая она была! Видали: черную хламиду напялила, глаза не поднимает. Я и то не сразу признал.

— Да-а... — Силин, задумавшись, несколько секунд смотрел на возбужденное Пантюшкино лицо с синяком под глазом. — Вот что, хлопцы, — сказал он, — здесь с кондачка нельзя решать. Проверить надо. Если это шпионка, значит, она с кем-то держит связь. Вы пока не подавайте виду, но следите в оба!.. Она ведь, кажется, при гостинице живет?

— При гостинице, — подтвердил Лешка.

— Ходит куда-нибудь, не замечал?

— Не знаю. Ни к чему было.

— А теперь надо смотреть. Тебя, Алексей, она уже заметила, а Пантелей — человек новый, так что пусть на глаза ей пока не показывается. Если придет к ней кто-нибудь, шума не поднимайте, а тишком-тишком за тем человеком последите, куда пойдет, с кем встретится. Понятно?

Он встал и по-мужски крепко пожал им обоим руки.

— Ну, хлопцы, на вас вся надежда. Большую пользу принести можете!

— Товарищ Силин, а если она сбежит? — спросил Пантюшка.

— Пока не сбежит, думаю. Как сидела, так и будет сидеть. А я к вечеру вернусь, тогда подумаем, что делать дальше...

Он взглянул на выходившие во двор запертые окна дома, осунул ремень на шинели.

— Я первый выйду, а вы минут через пяток. Пока, хлопцы, счастливо.

Он пошел к воротам. Прежде чем выйти на улицу, еще раз ободряюще подмигнул ребятам.

Друзья переглянулись. Пантюшка вздохнул:

— Ох, дела-а!

— Смотри, Пантелей, если язык где-нибудь распустишь, убью! — пообещал Лешка. — Я тебя к Силину привел, я за тебя и отвечаю.

— За собой лучше следи! — надувшись, буркнул Пантюшка. — Как бы самому не попало.

Марков

Под впечатлением разговора с Силиным Лешка был готов к самым решительным и немедленным действиям. Но ни он, ни Пантюшка не предполагали, что начать свою новую деятельность им придется так скоро.

Когда они вышли со двора и направились к штабу, Лешка вдруг увидел шедшего впереди них плечистого парня в гимназической шинели и узнал Маркова. Лешка вздрогнул. Неожиданная догадка мелькнула у него в уме. Неужели Марков, этот купеческий сынок, не зря болтается возле штаба?! Он вспомнил свою встречу с ним три дня тому назад, странный разговор о немцах, слова Ващенко о том, что Марков не впервой появляется здесь... Потом ему вспомнилось, что Марков хотел зайти в штаб, но почему-то передумал. Неужели?!

Лешка невольно пошел быстрее.

Однако Марков, миновав гостиницу, свернул в одну из боковых улиц, и Лешка успокоился.

Придя в штаб, он завел приятеля в караульное помещение, где в это время никого не было, а сам побежал наверх, в канцелярию. Ему не терпелось проверить, действительно ли машинистка — фон Гревенец.

Перед дверью он постарался принять озабоченный вид. Машинистка сидела на своем месте около комнаты Совета. Одного взгляда на нее Лешке было достаточно, чтобы убедиться: она! Ошибки быть не могло. Как он сразу не узнал это бледное лицо, лиловые, точно от недосыпания, тени в глазницах и брезгливо опущенные уголки губ! Барышня фон Гревенец на потрепанной, тархтящей от старости пишущей машинке отпечатывала боевые декреты Совета пяти!

Лешка прошел мимо нее, пробормотал как бы про себя: «А Силина нет?» — и, повернувшись, вышел в коридор.

На лестничной площадке он столкнулся... с Марковым.

В первую минуту Лешка опешил. Не зная, как вести себя, он хотел уже пройти мимо, но Марков сам остановил его.

— Здравствуй! — сказал он, улыбаясь во весь рот. — Ты что, не узнаешь?

— А... здорово, — проговорил Лешка и покашлял, прочищая горло от внезапной хрипоты.

— Хорошо, что я тебя встретил! — оживленно сказал Марков. — Я, признаться, даже искать тебя хотел! — Он протянул Лешке руку.

Тот почти машинально пожал ее. Марков, казалось, был искренне рад его видеть.

— Послушай, у меня к тебе есть дело. Ты не занят?

— Нет. Какое дело?

Марков взял его за пуговицу шинели и отвел в сторону.

— Дело вот какое, — доверительно заговорил он. — Я тебе все расскажу, ты здесь свой человек, может быть, посоветуешь, как поступить... Понимаешь: конфисковали папино имущество. Это общее явление, я не возражаю. Я ведь, как ты, наверное, знаешь, сам революционер... Но мы с матерью сейчас очень нуждаемся, а мне сказали, что Совет пяти выдает какую-то денежную компенсацию за конфискованные вещи. Ты ничего не слышал об этом?

— Нет, не слышал.

Марков сокрушенно вздохнул.

— Жаль. Если врут насчет компенсации, то я просто не знаю, что делать! Положение у нас катастрофическое, поверь мне, в жизни такого не было!.. Ну, ладно, пусть даже не компенсируют, но я рассчитываю отхлопотать хотя бы нашу моторную лодку. По закону ее вообще не должны были забирать... — Он начал подробно, приводя множество доводов, доказывать,

что прогулочная моторная лодка не является орудием производства и потому не подлежит конфискации.

Лешка близко видел его серые шкодливые глазки, и в мозгу у него проносилось: «Врет... врет... Что делать?.. Что делать?»

— Может быть, ты посоветуешь, к кому обратиться? — спросил Марков.

— Вот что, — стараясь говорить как можно спокойнее, сказал Лешка, — тебе надо прямо к кому-нибудь из пятерки, такие дела только они решают. Сейчас никого нет, хочешь — подожди.

— А это долго?

— По-разному бывает. Иди в канцелярию и посиди там.

Марков быстро посмотрел на него, отвел глаза и, точно в раздумье, проговорил:

— Пожалуй, стоит подождать...

Лешка сам подвел его к канцелярии и открыл дверь. Машинистка подняла и опустила голову.

— Вот здесь и посиди, — сказал Лешка, — скоро кто-нибудь придет.

— Спасибо тебе! — горячо поблагодарил Марков. — Я подожду.

— Не за что... Пойду, дело есть.

— Ладно, ладно, теперь уж я сам.

Лешка вышел из канцелярии.

...По лестнице он летел со всех ног. Вихрем ворвался в караульное помещение.

— Пантюшка, скорей!

— Что такое? Что случилось?

— Пришел к ней один!.. Ты Витьку Маркова знаешь? У которого моторка была?

— Нет.

— Сейчас увидишь... Гимназист, со мной учился... Скорей, тебе говорят!

— Чего скорей-то?

— Беги на угол, спрячься. Как увидишь, что он вышел, иди за ним, а я следом за тобой!

Меня он знает...

Пантюшка всполошился, вскочил, схватил драгунку.

— Скорей! — торопил Лешка. — Стой! Винтовку оставь, слишком заметно.

— Как же я без оружия-то?

— На кой оно тебе?!

— Без оружия не пойду! — упрямо заявил Пантюшка.

— Тьфу, дурак! — На столе валялся немецкий ножевой штык, которым резали хлеб.

Лешка сунул его Пантюшке: — На, спрячь под куртку. Да скорей же, черт!

Он швырнул драгунку на топчан и вытолкал Пантюшку из комнаты...

Что бы ни думал Лешка о Маркове, как бы ни презирал за буржуйское происхождение, у него все же не сразу уложилось в голове, что Марков работает на немцев. Чтобы убедиться, он и отвел его к фон Гревенец. Машинистка только одно мгновение смотрела на вошедшего Маркова, но Лешка успел заметить, как бесстрастное лицо женщины вдруг точно дрогнуло и напряглось. И Лешкины подозрения стали уверенностью. Уверенностью в том, что фон Гревенец — шпионка...

В Лешкином представлении на такое предательство мог пойти только человек, смертельно ненавидящий революцию в любом ее виде. А ведь Марков ходил в эсерах и на митингах выкрикивал революционные лозунги!

Было от чего растеряться!

Себя Лешка считал большевиком. Во-первых, большевиком был его отец, самый значительный для него человек на земле. Во-вторых, почему-то именно среди большевиков попадались люди, которые внушали ему наибольшее доверие, — такие, например, как Силин, — и то,

что они говорили о революции, казалось ему самым убедительным из всего, что ему доводилось слышать на многочисленных митингах. Это была революция для него, для Пантюшки, для Пантюшкиного отца, и вместе с тем она не подходила для Глущенко, что также говорило в ее пользу. У этой революции был головокружительный размах. Весь мир должен был запыхать от нее. И Лешка со всей страстью молодой души верил в мировую большевистскую революцию!

Между тем в Херсоне подвизалось много разных партий, члены которых готовы были горло перегрызть друг другу, доказывая, что именно они-то и есть единственные подлинные революционеры.

Многие херсонские мальчишки приписывали себя к эсерам. Каждому льстило называться революционером, да еще и социалистом. Лешка не очень-то разбирался в партийных программах. Он отрицательно относился к эсерам главным образом потому, что так к ним относились большевики. Но в глубине души Лешка и эсерам не мог отказать в революционности: слишком уж бойко выступали они на митингах.

И вот оказывалось, что эсеровский прихвостень — Марков — работает на немцев!

Следовало бы хорошенько подумать, посоветоваться со знающими людьми... Но сейчас Лешка твердо знал одно: кем бы ни был Марков, он — враг, он предает людей, проливающих кровь за революцию. И этого нельзя допустить!

Когда минут через пятнадцать после встречи на лестнице Марков вышел из штаба, Лешка сидел на каменной тумбе возле ворот и перочинным ножом строгал палку. Он был без винтовки, револьвер висел под шинелью.

— Ты здесь? — сказал Марков. — Знаешь, я решил не ждать. Начальство, говорят, не скоро придет. Лучше еще раз зайти. Тебе, конечно, большое спасибо, теперь-то я хотя бы знаю, к кому обращаться...

Он принялся с жаром благодарить Лешку за участие, пустился в рассуждения о том, что старые гимназические товарищи должны помогать друг другу, особенно в такое трудное время... В глазах у него Лешка разглядел колючие смешливые искорки.

— Так я позже зайду... А может быть, завтра.

Лешка равнодушно пожал плечами.

— Ну, пока, спасибо тебе! Хороший ты парень!

— Ничего, не стоит, — сказал Лешка.

Дойдя до угла, Марков еще раз обернулся. Он даже помахал Лешке рукой.

«Доволен, — подумал Лешка, — обманул меня!»

Наклонившись, он сосредоточенно выстрегивал набалдашник у палки. Марков свернул за угол, а спустя несколько секунд улицу в конце квартала зигзагом перебежал Пантюшка. На углу подождал немного и исчез. Тогда Лешка вскочил, сунул ножик в карман и, забыв про палку, помчался вслед за ним.

Человек в шинели

Марков встретился с человеком во фронтальной шинели под извозничьим навесом большого каменного дома. То, что он передал ему, издали казалось аккуратно свернутой черной тряпичей. Обменявшись несколькими словами, они разошлись. Марков пошел прямо, незнакомец направился в противоположную сторону.

Возле запертых ворот одного из дворов, на сваленных грудой темных от времени бревнах сидели два пареня: один — гимназист-старшеклассник, другой из подмастерьев, в черной куртке и большом картузе. Гимnazист вертел в воздухе монету. Паренек в куртке с любопытством посмотрел на незнакомца. Тот закашлялся, прикрываясь ладонью.

— Смотри сюда! — закричал гимназист. — Орел или решка?

Мальчишки наклонились над упавшей монетой. Забыв, казалось, обо всем на свете, они играли в орлянку. Незнакомец не спеша прошел мимо них.

Когда он был достаточно далеко, Лешка свирепо зашипел:

— Что ты вылупил на него! Завалить все хочешь?

— Леш, я этого типа где-то видел! Морда знакомая...

— Где ты его видел?

Пантюшка запустил пятерню под картуз и несколько секунд с такой силой тер голову, точно хотел выдавить из нее воспоминание.

— Убей меня бог, забыл!

— Беги за Марковым, — приказал Лешка, — последи, куда он пойдет, а я за этим. Потом в штабе встретимся...

И они расстались.

Человек во фронтальной шинели долго кружил по городу. Он шел неторопливо, с развалцем, походкой незанятого человека, время от времени останавливался возле рекламных тумб, с которых свисали ключья старых плакатов, и искоса поглядывал назад. Если впереди появлялись прохожие, он загодя переходил на другую сторону улицы.

Возле одной из улиц, куда свернул незнакомец, находился проходной двор. Пробежав через него, можно было срезать угол. Лешка так и сделал. Он перелез через забор, миновал какие-то амбары и выбрался к воротам. Встав за ними, Лешка припал к узкой щели над ржавой чугунной петлей.

Прошло с полминуты, и он снова увидел человека в шинели. Тот быстро шел по противоположному тротуару. Поравнявшись с воротами, за которыми притаился Лешка, он вдруг сделал шаг в сторону и прижался к стене за выступом одного из домов.

«Что такое?» — подумал Лешка, удивленный и испуганный непонятными действиями незнакомца.

Теперь он мог хорошо разглядеть его гладкое вытянутое лицо, на котором самым приметным был рот — прямой и безгубый...

Выждав минуту или две, незнакомец вышел из своего укрытия и осмотрелся. Опасаясь слежки, он явно хотел перехитрить своего возможного преследователя. Если бы Лешка шел за ним, они сейчас наверняка столкнулись бы лицом к лицу. Ловко!

Наука пошла Лешке впрок. Незнакомец еще несколько раз повторил свой маневр. Иногда он заходил в подворотни и подолгу задерживался там. Лешка терпеливо ждал, стоя в каком-нибудь подъезде. Зная, что поблизости нет проходных дворов, он не боялся, что незнакомец скроется. Он чувствовал себя охотником, преследующим зверя. Это было похоже на игру, и в то же время чем больше хитрил незнакомец, тем глубже Лешка проникался сознанием важности происходящего...

Поплутав по переулкам, человек в шинели вышел на Потемкинский бульвар и задержался около памятника Потемкину, осматривая бульвар. Лешка спрятался за деревянной лавчонкой, стоявшей на перекрестке. Когда он выглянул, человек был уже в конце улицы. Видимо, уверенный в своей безопасности, он спокойно вышел на Лютеранскую и скрылся за чугунными воротами нарядного белого особняка, принадлежавшего иностранному вице-консульству.

Теперь можно было возвращаться в штаб, но, подумав, Лешка решил, что этого делать не следует. Марков что-то передал иностранцу, должно быть, шпионские сведения. А зачем они тому? Для немцев? Тогда, значит, или он сам понесет их, или пошлет кого-нибудь... Правильней всего было никуда не уходить и посмотреть, что будет дальше...

С другой стороны, болтаться здесь одному тоже не улыбалось Лешке. День уже кончился. Сизые дымчатые сумерки затянули город. Ветер улегся, стояла полная тишина, не нарушаемая даже привычным орудейным гулом: немцы по ночам не воевали.

Лешка осторожно обошел особняк. Что делать? Где пристроиться?

У особняка было два подъезда: один парадный — на Лютеранской, другой сзади, выходящий в небольшой сад. Лешка решил наблюдать за тем подъездом, который позади дома: и место здесь укромное, да и незнакомец, кажется, свернул именно сюда.

Пока Лешка колебался и ходил вокруг особняка, ему в голову пришла мысль, еще больше укрепившая его в намерении никуда отсюда не уходить. Он подумал, что, если сведения, полученные Марковым, попадут к немцам, в том будет и его, Лешкина, вина. Ведь это он сам, желая убедиться в предательстве Маркова, помог ему встретиться с фон Гревенец! А сведения, должно быть, важные: недаром этот иностранец в них заинтересован.

Позади вице-консульства, между деревьями, стояла полусгнившая сторожевая будка. Лешка удобно устроился в ней и через круглое окошко принялся следить за особняком.

Он ждал долго, может быть, полчаса, а может быть, и час. Сумерки сгустились. Когда стало совсем темно, Лешка заметил, что окна особняка чуть-чуть краснеют: за плотными шторами горел свет.

Устав ждать, Лешка решил взглянуть на парадный подъезд. На всякий случай он положил револьвер из кобуры в карман шинели и, прячась за голыми кустами акации, пробрался на Лютеранскую. Парадный подъезд был заперт. Когда Лешка решил возвратиться на прежнее место, от дома на противоположной стороне отделилась темная фигура с винтовкой и направилась прямо к нему. Лешка прыгнул в сторону, не зная — бежать или защищаться...

— Это ты, Леш? — спросила фигура Пантюшкиным голосом.

Лешка чуть не вскрикнул от радости:

— Я, я это!

— Куда ты запропастился? Я уже час здесь околачиваюсь!

— Ша! Иди за мной! — сказал Лешка.

Он привел друга в сторожевую будку и с пристрастием допросил, как тот очутился на Лютеранской. Пантюшка следовал за Марковым до Виттовской улицы. Всю дорогу он не переставал думать, где доводилось ему встречать подозрительного незнакомца во фронтовой шинели.

Думал-думал и в конце концов вспомнил: Спортинг-клуб, теннисные корты, фон Гревенец с голыми ногами и ее партнер — узолиций, сдержанный в движениях иностранец, перед которым заискивал даже такой всемогущий, в Пантюшкином представлении, человек, как хозяин Спортинг-клуба.

Вице-консул Бодуэн — вот кто был недавний собеседник Маркова!

Каким бы неожиданным и неправдоподобным ни казалось это открытие, Пантюшка все-таки ни секунды не сомневался в том, что он не ошибся. К тому же после встречи с дочерью губернатора в штабе фронтовиков Пантюшка решил ничему на свете больше не удивляться...

На Виттовской Марков вошел в дом номер пять.

— Он там живет, я знаю, — сказал Лешка.

Потом Пантюшка вернулся в штаб. Лешки не было, Силин еще не приезжал с передовой, фон Гревенец по-прежнему сидела на своем месте: Пантюшка видел ее сквозь замочную скважину. Слоняться по штабу без дела было неважноту, и Пантюшка отправился к вице-консульту искать друга.

— Я уж думал, не пришиб ли он тебя.

Лешка объяснил ему, почему решил остаться здесь.

— Иди к тому подъезду, — сказал он, — и смотри в оба. В случае чего беги ко мне, что-нибудь сообразим.

Пантюшке уходить не хотелось.

— На кой ляд, — сказал он, — только время зря теряем. Лучше уж эту фон Гревенец сторожить...

— Иди, говорят тебе! — рассердился Лешка. — Не понимаешь, что ли? Марков ему какие-то сведения передал! Если упустим, Силин по головке не погладит!

Пантюшка поворчал что-то себе под нос, помешкал и выскользнул из будки. Почти тотчас же он ворвался обратно и хрипло шепнул:

— Там кто-то ходит, Леш!..

Они замерли прислушиваясь.

Было тихо, как в погребке. И вот Лешка различил осторожные шаги по влажной от весенней сырости земле. Шаги отдалились, стихли, потом раздались снова.

Прямо перед будкой под деревом остановился человек. В темноте можно было различить только, что он невысок и плотен. Человек медленно осмотрелся и, оторвавшись от дерева, направился к дому. До ребят донесся прерывистый стук, открылась дверь, и снова все стихло.

— Видал? — выговорил Пантюшка.

— Слушай, — зашептал Лешка, — беги в штаб! Может быть, Силин уже там... Если нет его, расскажи все Попову или кому хочешь. Пусть идут сюда, только скорей... Я здесь подожду. Только быстро, Паня, миленький!..

Пантюшка больше не возражал...

Оставшись один, Лешка достал револьвер и для верности взвел курок. Потом он выбрался из будки и встал за кустами акации на таком расстоянии от дома, чтобы можно было различить дверь. Сердце его лихорадочно отстукивало мгновения, а они тянулись, тянулись нескончаемо, и он потерял им счет. Сейчас он мечтал об одном: только бы Пантюшка успел кого-нибудь привести до того, как человек появится снова!..

Получилось, однако, иначе.

...Загремел засов, дверь открылась, выпустив уже знакомую низкорослую фигуру, и сразу же захлопнулась. Человек быстро пошел через сад. Когда он поравнялся с Лешкой, тот выскочил из-за кустов и крикнул высоким срывающимся голосом:

— Стой! Руки вверх!

Человек присел от неожиданности и черным комком метнулся к стоявшим купой деревьям.

— Стой! — закричал Лешка. — Стой! Буду стрелять!

Тотчас же впереди блеснуло, пуля, просвистев, обломил веточку в кустах. Тогда Лешка начал стрелять в темноту, туда, где скрылся шпион. Он трижды нажал тугой спуск. Ответных выстрелов не было. Лешка дождал немного (ведь могло случиться, что он попал) и двинулся вперед...

За деревьями он увидел пролом в ограде, через который ушел враг. Лешка выскочил на улицу. Далеко, в конце квартала, ему почудилось какое-то движение, он выстрелил наугад, крикнул «Стой!» — и в это же мгновение услышал сзади, в саду, топот.

— Лешка! — зазвенел голос Пантюшки. — Лешка, где ты?!

— Сюда! — позвал Лешка. — Сюда, ко мне!

В проломе показался Пантюшка, за ним Силин, потом полезли фронтовики — здесь было человек восемь. Среди них Лешка узнал Попова в штатском пальто.

— Где он? — задыхаясь, спросил Силин.

— Не знаю... Сюда выскочил! — чуть не плача, ответил Лешка. — Кажется, вон там...

Они бросились вдоль улицы. На перекрестке Силин приказал:

— Ващенко, Зуев, Макарычев и ты, — он ткнул в Лешку, — направо. Остальные за мной!..

Они перебежали улицу до конца и никого не увидели. Возвращаясь, заходили во все дворы, обшаривали каждый уголок. Лешка до крови искусал губы. Дурак! Безмозглый дурак! Упустил шпиона! Почему не стрелял сразу, из-за кустов! Ума не хватило?

Возле вице-консульства их уже поджидали.

— Нету? — спросил Силин.

— Немае, — отозвался Ващенко, — сбег, собака!

Силин смачно выругался. Лешка сейчас предпочел бы быть убитым. Он чувствовал себя ответственным за все...

Попов отвел Силина в сторону, и они стали вполголоса совещаться. Потом подозвали Лешку и подробно расспросили, как он выследил незнакомца и каков тот из себя. Лешка, как мог, описал его внешность.

— Точно, — сказал Попов, — сам господин Бодуэн собственной персоной! Ну что будем делать, Петро?

— Что делать! — угрюмо пробасил Силин. — Как говоришь, так и сделаем...

У обоих подъездов вице-консульства Силин поставил по человеку. Остальным велел идти за ним.

Они поднялись на парадное крыльцо особняка и постучали. Долго никто не отзывался. Особняк точно вымер.

— Ломать, что ли? — неуверенно проговорил Силин.

— Погоди! — Попов сильно ударил в дверь рукояткой нагана.

Наконец в доме слышались шаги, спросили:

— Кто там?

— Революционная власть Херсона! — ответил Попов. — Отворите!

— Что вам надо?

— Обследование...

— Приходите днем. Сейчас все спят.

— Немедленно отворите! Иначе буду вынужден применить силу!

Из-за двери донеслись шелест, бормотание. Заскрипел засов.

Попов и Силин вошли в вестибюль. Перед белой мраморной лестницей стоял шуплый старикашка с бронзовым подсвечником в руке. Пять зажженных свечей ярко освещали его тщедушную фигуру в вязаной кофте.

— Кто вы такой? — спросил Попов.

— Я эконом вице-консульства... — Голос старика дребезжал от испуга. — Вы ведь, должно быть, знаете, что этот дом не принадлежит России? Здесь иностранная территория...

— Нам надо видеть господина Бодуэна, — вместо ответа оказал Попов.

— Это невозможно, господа. Вице-консул спит...

— Разбудите его!

— Что вы, что вы! — замахал рукой старик. — Господин Бодуэн — представитель европейской державы. Вы не имеете права... то есть вы не должны врываться сюда! Это дипломатический скандал!

Тут, не выдержав, рявкнул Ващенко:

— Що ты юлышь! Буди, колысь говорить!

От его громового рыка старик весь сжался и стал похож на тощий сморщенный кулачок. Свечи в его руке задрожали, разбрасывая по стенам короткие отблески.

— Господа, господа... Вы не понимаете, что творите!

— Не кричи, Ващенко, — сказал Попов. — А вы идите к своему хозяину и доложите, что его вызывают представители Совета пяти. О скандале не заботьтесь: это наша ответственность.

— Как угодно... как угодно... — разводя руками, забормотал старик и поспешно зашаркал по лестнице.

Подсвечник он поставил на широкую балюстраду лестничной площадки и скрылся за высокой дубовой дверью с витыми блестящими ручками.

Лешка никогда еще не бывал в таком доме. Здесь и стены, и даже пол в разноцветных пашках были мраморные. По сторонам от двери возвышались какие-то статуи, покрытые чехлами. Большое чучело медведя держало на вытянутых лапах широкое блюдо с чашей из зеленого камня. Голые младенцы со стрекозиными крылышками летали по потолку...

И среди всего этого великолепия молча стояли люди в пропахших потом, махоркой и дымом шинелях, угрюмые люди, державшие власть в городе.

— Зря мы его одного отпустили, — недовольно проговорил Силин. — Сразу надо было идти — и никаких!

— Нельзя, Петро, — урезонивал его Попов. — Как-никак дипломатическое лицо!

— Плевал я на это лицо! — сказал Ващенко и действительно сплюнул в угол. — Злыдень, и все!

— Ну, ну!..

Дубовая дверь отворилась, вышел высокий человек в длинном, до пят, шелковом стеганом халате. Кисти плетеного кушака свисали до самых его колен. Лицо у человека было гладкое, неподвижное, с памятным Лешке безгубым ртом. За ним показался старикашка.

— Господин Бодуэн вас слушает, — сказал он.

Попов обернулся к Лешке:

— Это тот самый?

Лешка кивнул головой:

— Он...

Бодуэн тоже взглянул на Лешку и слегка прищурился, точно вспоминая, где он его видел.

Попов подошел к иностранцу, держа наган в опущенной руке.

— Я — член Совета пяти, — сказал он. — Мы должны осмотреть ваш дом.

Эконом быстро залопотал не по-русски, переводя его слова. Бодуэн что-то отрывисто проговорил, и старик перевел:

— Господин Бодуэн выражает протест против ваших действий. Он спрашивает господина — не имею удовольствия знать фамилии, — известно ли ему, что такое экстерриториальность?

Незнакомое слово смутило всех, кроме Попова, который в прошлом был студентом.

— Господин Бодуэн, — насмешливо оказал он, — по-видимому, недавно разучился разговаривать по-русски? Это, впрочем, не играет роли. Да, мы имеем представление... Экстерриториальность обеспечивает неприкосновенность дипломатическому представителю, но не тем злоумышленникам, которых он покрывает... Только что мы схватили немецкого шпиона, вышедшего из вашего дома...

Пантюшка дернул Лешку за рукав: что он говорит?.. Лешка сжал зубы и отпихнул его локтем. Это не укрылось от внимания Бодуэна. Тонкая прямая щель его рта чуть-чуть растянулась.

— У нас есть основания предполагать, — продолжал Попов, — что здесь скрывается еще кто-то. Ввиду осадного положения Херсона, мы должны подвергнуть дом обыску.

Старичок быстро переводил. Выслушав ответ своего хозяина, он сказал:

— Господин Бодуэн предупреждает вас, что, если будет нарушена неприкосновенность дипломатического жилища, он обратится к своему правительству.

Попов нетерпеливо тряхнул головой:

— Это его право! — И он обернулся к своим: — Вашенко, ты, пожалуй, побудь здесь. Петро и Зуев, пошли!

Бодуэн быстро что-то сказал эконому, и тот юркнул в дверь. Сам он остался на месте, загораживая собой вход. Попов подошел к нему вплотную:

— Разрешите пройти!

Тот не пошевелился.

— Разрешите пройти, говорю! — повторил Попов, и голос его зазвучал угрожающе.

По-прежнему держа руки за спиной, Бодуэн отступил на шаг к двери и вдруг заговорил по-русски, медленно, четко выговаривая каждый слог:

— Именем великой державы, которую я имею честь здесь представлять, я категорически возражаю против врывательства в принадлежащий ей дом!

— Ага! — усмехнулся Попов. — Вы вспомнили русский язык! Вы, по-видимому, хорошо знаете и немецкий, если так легко понимаете немецких шпионов... Хватит болтать: посторонитесь, уважаемый!

— Я еще раз повторяю... — начал было Бодуэн.

Он не успел договорить. На улице раздались крики, топот, хлестнули выстрелы. Попов резко обернулся:

— Что там такое?

Силин сделал ему знак остаться на месте и вышел на крыльцо. Лешка и Пантюшка выскочили тоже.

В темноте недалеко от дома лежал человек. Другой наклонился над ним.

— Что случилось? — крикнул Силин.

— Товарищ Силин, — выпрямившись, сказал фронтовик, остававшийся возле дома на карауле, — этот из окна сиганул. Я шумнул: «Стой!» А он стреляет. Пришлось и мне.

— Убил?

— Кажись, есть немного...

Силин подошел ближе и зажег спичку.

На булыжной мостовой, откинув руку с пистолетом, лежал человек в короткой рваной поддевке. Огонек спички отразился в его открытых глазах. Плоская кепчонка отлетела в сторону, обнажив лысый череп. Силин расстегнул поддевку, под ней оказался немецкий френч. Тщательно обыскав убитого, Силин, с помощью ребят, стащил с него сапоги и обшарил ноги. В шерстяном носке он нашел пачку бумажек...

Затем они вернулись в дом.

— Из окна выскочил вооруженный человек, — сказал Силин Попову.

Тот обернулся к Бодуэну:

— Ну что вы на это скажете?

Бодуэн не ответил. Он здорово умел владеть собой, этот иностранец: на его бритом лице не дрогнул ни один мускул.

— Так... — проговорил Попов.

Решительно отстранив Бодуэна плечом, он вместе с Силиным и Зуевым вошел во внутренние комнаты особняка...

Все молчали. Бодуэн, прислонившись к косяку, стоял неподвижно, вздернув острый подбородок.

Когда Попов с фронтовиками вернулись, каждый из них нес на плечах новенькие винтовки. Попов задержался перед Бодуэном.

— Найденное у вас оружие русского образца мы конфискуем, — сказал он. — Завтра вам будет предоставлена возможность уехать из Херсона.

Бодуэн не ответил, глядя мимо него. Попов сбежал по лестнице:

— Все. Можно идти.

Знакомство продолжается

Вернувшись в штаб, Силин первым делом осведомился у часового, не выходил ли кто-нибудь из гостиницы. Часовой сказал, что он никого не выпускал, кроме ординарцев, и что штабных на месте нет никого, кроме Киренко.

— Ващенко, распорядись насчет винтовок, — сказал Силин, — а вы, ребята, идите с нами.

Они вчетвером поднялись на второй этаж. В канцелярии было светло: горело несколько фонарей на стенах. Писаря спали, уронив головы на стол. Двое фронтовиков дымили сигарками возле двери — это были часовые, оставленные здесь Силиным, когда он уходил с Пантюшкой.

Со своего места встала машинистка.

— Товарищ Попов, — заговорила она требовательным, обиженным тоном. — Я не понимаю, почему со мной так обращаются! Эти люди не выпускают меня из помещения. Я ведь в конце концов не военнослужащая! Уже ночь, имею я право отдохнуть?

— Сейчас разберемся, — ответил Попов, искоса взглянув на нее.

Вместе с Силиным он скрылся в комнате Совета. Ребята остались в канцелярии.

Лешка смотрел на машинистку и думал: вот из-за этой женщины погибли Костюков и Пахря...

Было что-то болезненное, нечистое в ее белом лице, в бегающих глазах, полуприкрытых тонкой лиловой кожицей век, в каждом ее движении, нервном и порывистом. Присев к столу, она вытягивала шею, прислушиваясь к неразборчивому гулу голосов за стеной.

Голоса стали громче, еще громче... Проснулись писаря.

Дверь распахнулась, и на пороге появился огромный, встрепанный Киренко. Силин и Попов попытались удержать его. Но Киренко вырвался и, грузно ступая, так, что в фонарях затрепетали огоньки, подошел к столу машинистки.

— Вот эта?! — хрипло спросил он. — Вот эта самая?

Женщина вскочила. Лицо ее стало покрываться прозрачной пергаментной желтизной. Киренко смотрел на нее в упор.

— Это ты... Костюкова загубила?.. — придыхая на каждом слове, проговорил он.

— Что он говорит?! Я не понимаю... — забормотала она, жалко и растерянно оглядываясь на Силина и Попова.

— Не понимаешь?! А!.. — И Киренко начал обрывать застежку на кобуре.

— Что вы делаете! — Женщина отшатнулась к стене, расширенными глазами следя за его пальцами.

— Стой, Павло! — Силин схватил Киренко за руку. — Поговорить надо!

— Пусти! — хрипел тот. — Пусти! Раздавлю гадину!

С помощью Попова и часовых Силину удалось оттеснить его к двери.

— Ну, вам теперь все ясно? — спросил Попов у машинистки.

Она с трудом проговорила:

— Я ничего... не... понимаю...

— Ах, вы еще не понимаете, мадам, или как вас там... фон Гревенец!

У женщины дрогнули плечи. Точно защищаясь, она вытянула перед собой узкие ладони:

— Что вы! Что вы! Это ложь!

— Ложь, говорите? А это тоже ложь? — И Попов помахал измятым листом копировальной бумаги. — Узнаете? — Он поднял копировку на свет и медленно прочитал: — «Командиру революционного отряда севастопольских матросов товарищу Мокроусову... Приказ...» Это вы печатали? Мы изъяли этот документ у убитого немецкого шпиона!

Лешка невольно привстал с места. Он вспомнил Маркова и черную тряпочку, которую тот передал Бодуэну. Так вот что это было!

Женщина облизнула губы.

— Я ничего не знаю!.. — выдавила она. — Это ошибка...

— Вот как, ошибка!.. Возможно... Кстати, у того шпиона мы взяли еще одно письмо. Так в том письме господин Бодуэн с самой лучшей стороны рекомендует вас германскому командованию...

Женщина поднесла руки к помертвевшему лицу и опустилась на стул.

— Ну, это тоже ошибка? А гибель Костюкова с отрядом?.. А захваченный немцами несколько дней тому назад обоз с боеприпасами — это, верно, тоже ошибка?..

Лицо Попова перекошилось от гнева. Прямые и острые морщины очертили рот.

— Все... Кончились ваши ошибки, уважаемая фон Гревенец! Жалко, что поздно! Не разгадали вас вовремя! Ну что ж, не умеем еще, научимся. Научимся!.. — повторил он. — Одного не могу понять, как вы дошли до этого, вы, российская аристократка? В героини метили? Или перед немцами хотели выслужиться? Не пойму!.. Ну да это теперь и не важно! — Он обернулся и сказал: — Позовите Ващенко.

Один из часовых вышел из комнаты. Попов сел к столу, придвинул лист бумаги, взял карандаш.

— Ваша фамилия фон Гревенец? Имя, отчество, возраст?

Она беззвучно пошевелила губами и ничего не ответила.

— Не хотите? Воля ваша...

Наступило молчание. Громко дышал Пантюшка. Силин, сдвинув брови, обрывал бахрому на рукаве шинели. Киренко налитыми яростью глазами неподвижно смотрел на машинистку.

Лешка сидел, вцепившись пальцами в колени, оглушаемый ударами собственного сердца. Он чувствовал, что самое главное еще впереди.

Вошел Ващенко и остановился на пороге, вопросительно оглядывая присутствующих. В отличие от Лешки, он, очевидно, сразу понял, зачем его вызвали. На простоватом лице фронтовика появилось напряженное и даже какое-то страдальческое выражение.

Попов поднялся, упираясь рукой в стол.

— Эта женщина — немецкая шпионка, — глуховато произнес он. — Совет приговорил... в расход. Уведи.

Ващенко не пошевелился, только на длинной его шее судорожно прыгнул кадык.

— Таково решение Совета... — повторил Попов.

Угловато, весь точно окаменев, Ващенко шагнул к машинистке и тронул ее за плечо:

— Пийдемо!

И тогда началось самое тягостное из всего, что довелось испытать Лешке за последнее время.

Машинистка истерически закричала. Вырываясь из рук фронтовиков, она разорвала ворот своего черного платья, оголилось худое, с выступающими ключицами, плечо. Волосы ее растрепались. Дико и нелепо тряслись желтые, прямые, как солома, космы. Проклятия сменялись угрозами, мольбами о пощаде, и крики ее вонзались в душу...

В эти мгновения Лешка совсем забыл, что эта женщина — враг, враг страшный, действовавший со звериным коварством, исподтишка, что из-за этой шпионки гибли люди и, может быть, даже все дело, ради которого лилась кровь на подступах к Херсону. Сейчас он видел только слабую, обезумевшую от ужаса женщину, бившуюся в руках дюжих фронтовиков.

В голове у него мутилось, тошнота подступала к горлу. И, уже не сознавая, что он делает, Лешка бросился вперед и, что-то отчаянно крича, стал отдирать руки Ващенко от женщины.

Его оттолкнули в сторону.

...Когда Лешка пришел в себя, фон Гревенец не было в комнате. Рядом стоял Силин.

— Ну, очухался? Эх, ты!.. Разве можно так, Алексей — Алешка, Николаев сын! — сказал он. — Иди вниз, я сейчас спущусь, поговорим. Помоги ему, — сказал он Пантюшке.

Тот бережно, как больного, подхватил друга под мышки. Лешка отпихнул его и пошел из канцелярии, провожаемый насмешливыми взглядами штабных писарей.

Ночной разговор

В караулке он лег ничком, уткнулся лицом в пыльную дерюгу соломенного тюфяка. Пантюшка спросил осторожно:

— Леш, может, дать тебе чего?

— Уйди! — огрызнулся Лешка. — Уйди лучше...

Пантюшка обиженно отошел.

Ни тогда, ни после Лешка не мог объяснить, что он чувствовал. Ему было плохо. У него ныло все тело, и он почти физически ощущал навалившуюся на него тяжесть последних событий — событий одного дня, начавшихся разговором с Силиным и закончившихся безобразной сценой в штабе. То, что произошло за это короткое время, потрясло его, перепутало, смешало все, чем он жил до сих пор.

Раньше борьба за революцию представлялась Лешке открытым боем в чистом поле лицом к лицу с врагом. На деле все получалось иначе. В «чистое поле» он не попал. Там дрались другие, более счастливые, чем он. А ему выпала доля увидеть и испытать такое, о чем и вспомнить было тошно.

В ушах его все еще звенел пронзительный крик фон Гревенец. Враг, шпионка, выходец из какого-то иного, полуночного мира, в котором копошились зловещие фигуры Бодуэна и Маркова, — и все-таки было невыносимо сознавать, что, может быть, в эту самую минуту ее расстреливает Ващенко, человек с добрыми глазами, хороший, простоватый человек.

Лешка лежал пластом на топчане, обхватив руками голову. Ему было плохо, просто плохо...

Силин, войдя в комнату, спросил:

— Вы тут, хлопцы?

— Тут, — ответил Пантюшка.

— Почему в темноте сидите? Спичек, что ли, нет?

Он пошарил на столе, зажег светильник. Потом подошел и сел возле Лешки. Светильник поставил на соседний топчан.

— Ты, никак, заснул, Алексей? Вставай, вставай!

Лешка нехотя сел, отворачиваясь от света. Силин пытливо, стараясь скрыть усмешку, рассматривал его.

Вид у Силина был измученный. Щеки его ввалились. От усталости он утратил свою привычку щуриться, и глаза его казались теперь больше и светлей. Над скулами набухли мешки.

— Нате вот, хлебца вам принес, — сказал он. — Небось не ели еще? А где Пантелей? Эй, друг, ты чего в угол забился? Иди, получай свою пайку!

Пантюшка живо перебрался на соседний топчан и сел на нем, по-турецки подогнув ноги.

Лешке есть не хотелось, но, желая показать, что с ним уже все в порядке, он взял протянутую Силиным краюху хлеба и через силу принялся жевать.

Силин заговорил оживленно:

— Не подвели вы меня, хлопцы! Чисто сыщики, нат-пинкертонны. Какую шпионку выловили, ай-ай! Важное сделали дело, это я всерьез говорю! Сволочь была большая, и жалеть нечего... — Он не смотрел на Лешку, но тому было от этого не легче. Кусок застревал у него в горле.

А Силин, словно ничего не замечая, продолжал:

— Конечно, человека расстрелять — это, брат, не просто, тем более бабу. Особенно, если с непривычки... Помню, на фронте еще, до революции, из нашего батальона сбежали двое, дезертировали... Добрались они до железной дороги, пристроились в порожнем товарнике, даже отъехали малость, а на ближайшей станции их сцапали. Доставили прямо в нашу часть,

устроили полевой суд и — к расстрелу. Да как! Перед всем полком, чтобы другим неповадно было. Отвели нас с передовой в лес, построили вот таким манером... — Силин пальцем начертил на тюфяке большую букву П. — Выводят, значит, дезертиров. А они, сердяги, едва идут. Один-то молоденький был, чуть постарше вас. Плакал. А второй — лет под сорок, матерый мужчина, полтавчанин. Идет, спотыкается и все приговаривает: «Помилосердствуйте, люди, семья, детишки малые...» Детишки, мол, сиротами остаются. Собрались офицеры. Генерал речь держал, что, значит, как они есть дезертиры, то это позор на весь полк, и пусть их сами полчане и расстреливают. Понял, как завернул?..

Кликнули охотников. Все молчат, ни одного не нашлось. Тогда генерал велел нашему батальонному самому назначить. Тот фельдфебеля послал. Фельдфебель, конечно, собака, других я и не встречал. Обошел он строй, отобрал человек десять. Я думаю: «Слава богу, меня хоть миновало!» И тут как назло он выкликает: «Силин!» И вышел я, хлопцы, убивать своих товарищей...

Поставили их к дереву, глаза тряпками завесили. Расстрелом фельдфебель командовал. Дали залп, а дезертиры, как стояли, так и стоят. Понимаешь? Все такие же умные оказались, как и я. Все в воздух выпалили. Фельдфебель чуть не лопнул от злости. Генерал орет: «Предатели, под суд отдам!..» Выстрелили в другой раз. И поверишь, снова ни одна пуля в них не попала! Молоденький не выдержал такого страха, упал и давай кататься по земле. Век проживу — не забуду, как он кричал!.. Привязали его к дереву. Только с третьего залпа и закончили все дело...

Силин смотрел на коптящий огонек светильника, и лицо его, освещенное снизу, казалось составленным из углов и теней.

— Вот как было, хлопцы, — сказал он помолчав. — Там мы кого убивали? Своего же брата — фронтовика, такого же горюна, как и мы сами. Не хотел он воевать невесту за что. А эту шпионку я бы расстрелял и не поморщился! Это же враг. Не то чтоб тебе враг или, скажем, мне — всей революции враг. Ты подумай: ведь она барыня, генеральская дочка, всю жизнь в роскоши жила, заграничные языки знала, ей один наш запах хуже козлиного, а пошла к нам в машинистки шпионить. Крепко надо нашего брата ненавидеть, чтобы на такое решиться! И наделала делов. Да хорошо бы, чтоб на том кончилось... — Он покашлял в ладонь. — Нынче она что хотела сделать? Передать немцам, что мы убрали матросов, центр оголили. Ведь если они об этом узнают — всему конец...

— Теперь не узнают, — сказал Пантюшка.

— Думаешь? А про того шпиона, что удрал, ты забыл?

— Бумажка-то не у него была.

— Мало что! На словах разве нельзя передать?

Пантюшка подумал и встревоженно заерзал на топчане.

— А и верно! Как же теперь, товарищ Силин? Надо, значит, матросов назад!

В голосе Силина появились злые нотки:

— А я что говорю? Попов уперся, понимаешь, и не своротить его: как решили, так, мол, и будет. Эх, больно много у нас начальства, каждый себя Суворовым воображает! Киренко тоже его сторону взял, вот и поспорь с ними!.. Слышь, Алексей, Киренко-то на тебя зол. Отчего, говорит, он за шпионку заступился? Сам, должно быть, белая кость, контра...

Лешка вскочил:

— Я?! Это я-то белая кость?!

Силин потянул его за руку, заставил сесть.

— Сам виноват: не надо было лезть. Нашел тоже кого защищать!.. Я Киренко говорю: «Ты что, Павло, ведь этот паренек сам ее выследил». И про отца твоего рассказал. Только тем и успокоил. Да-а, Алексей, в другой раз будешь осторожней: ведь это война, в спешке, бывает, не разберешься, кто свой, а кто не свой. Думаешь, я не понимаю, почему ты психанул? Я понимаю,

я все, брат, понимаю. Да нельзя так. Воевать только начинаем, много еще будет крови. Враги кругом. Немцы — что! Пострашней есть враг. Каждый буржуй на нас волком смотрит, норовит в спину ударить. Или возьми Бодуэна. Посмотрел я нынче, как он живет. Везде фарфор, полы паркетные блеском блестят, на потолке ангелочки намалеваны и висят такие штуки для ламп, что я век не видывал. А в спальне под кроватью — винтовки. Вот тебе и ангелочки!

— Товарищ Силин, — сказал Пантюшка, — не понимаю я, какая ему прибыль немцам помогать. Его-то страна тоже с немцем воюет. Он как-то на митинг приезжал. Народу было тьма. Сам думный председатель говорил, что союзники нам помогут немцев одолеть, и на Бодуэна показывал. А тот все поддакивал.

— Чудак ты человек, — улыбнулся Силин. — Это он городскому голове был союзник, а не большевикам. Теперь все по-другому. Была здесь раньше «электрическая компания», свои фабрики имела, и этот самый Бодуэн в ней пайщиком состоял, вроде хозяина, что ли. А большевики те фабрики прибрали в пользу народа. Нынче Бодуэну наплевать, кто будет — немцы ли, черт ли, дьявол, — лишь бы не большевики. Понял? Он с немцами от одной мамы...

— А почему же тогда не взяли его? — приставал дотошный Пантюшка. — А Попов еще говорит: «Дадим уехать»?

Силин по привычке потер подбородок.

— Я в этом, брат, и сам не разбираюсь, — признался он. — Дипломатия... Хитрое дело! Попов говорит: «Нельзя», а он образованный, ему видней. В Петрограде, слышал, Чрезвычайную комиссию организовали по борьбе с контрреволюцией? Чрезвычайную! — повторил он многозначительно. — Доберутся, должно быть, и до этих самых бодуэнов... Ну вот, хлопцы... Влезли вы в развеселую заваруху, так надо держаться. Сами говорите: не маленькие. Погоди, Алексей, дай срок, такими станете революционерами — загляденье! — Силин засмеялся и похлопал Лешку по колену. — Что-то еще хотел тебе сказать, Алексей... — Он поморщился, тронул пальцем висок. — Что же это?.. Нет, не припомню... Все. Пойду... А устал я — сил нету! — Он посмотрел на свободный топчан, и было видно, что его одолевает нестерпимое желание прилечь.

Вздыхнул:

— Ну, ладно, отдыхайте. Завтра пойдем того гимназиста брать, что к ней ходил.

— Маркова, — подсказал Лешка.

— Во-во. Прощупаем, что за фигура... Если, конечно, все будет в порядке, — неожиданно добавил он.

И, распрямив плечи, точно стряхивая с них какую-то тяжесть, грузно пошел к двери. Лешка задул огонек.

— Хороший он человек! — сказал Пантюшка.

— Хороший, — согласился Лешка.

Пантюшка спросил:

— Поспим, Леш?

— Поспим, Паня...

Но долго еще лежал Лешка без сна.

Перед рассветом вернулись фронтовики и Ващенко. Молча составили винтовки в пирамиду, молча разошлись по топчанам.

Незаметно поредела ночь. Точно нарождаясь из мрака, очертились предметы. Прошло еще немного времени, и воздух за посветлевшими окнами приобрел легкий золотистый оттенок.

Наступало утро четвертого апреля — дня решающего сражения за Херсон.

С первыми лучами солнца за городом грянула канонада...

Четвертое апреля

Были ли тому виной шпионские донесения или немцы сами разгадали несложный маневр повстанцев — неизвестно. Как бы там ни было, наступление они начали именно в центре. Дружина вадоновских рабочих не смогла сдержать их натиска. В последний момент Совет пяти перебросил черноморцев на прежнее место, но они явились слишком поздно. Фронт был прорван, и немцы начали быстро расширять брешь.

Если и раньше защитники города значительно уступали врагу в численности и вооружении, то у них по крайней мере была единая крепкая оборона. Теперь они лишились и этого преимущества.

Еще шли бои у вокзала, еще лилась кровь за каждый домишко на городской окраине, еще заградитель «Ксения», раскаляя стволы своих двух небольших пушчонок, посылал снаряд за снарядом по наступающим немцам, но судьба Херсона уже решилась. Он был обречен.

Около девяти часов утра немцы заняли вокзал и ворвались в город.

По всем улицам, тянувшимся к Днепру, двинулись их серо-зеленые цепи...

Лешка растерял всех — и Пантюшку, и Силина. В суматохе, выскочив из штаба вместе с караульной командой, он каким-то образом очутился на Говардовской улице возле старых кирпичных лабазов.

Здесь строили баррикаду. Фронтовики и рабочие ломали лабазные ворота, валили столбы, выкатывали из складов бочки. По мостовой тек пахучий огуречный рассол. Из ближних дворов вытащили несколько телег и, опрокинув набок, перегородили ими улицу. Откуда-то взялись матрацы, тюфяки, большой дубовый буфет, черный от времени... Все это сваливалось в одну кучу.

Когда баррикада была готова, со стороны вокзала пришла группа матросов, человек шесть. Двоих вели под руки: они были ранены. Матросы сообщили:

— Идут, сейчас здесь будут!..

Раненых увели в порт, а два моряка остались на баррикаде.

— У кого есть патроны? — спросили они.

У Алешки в патронташе было несколько заряженных обойм. Их сразу же разобрали. Последнюю обойму Алешка загнал в патронник и вскарабкался на кучу бочек, составленных на самой середине укрепления.

Шумные, громогласные моряки сразу же стали главными людьми на баррикаде, особенно один из них — высокий парень с волосатыми руками и квадратным подбородком.

— Ложись! — командовал он. — Стрелять не торопитесь, пусть ближе подойдут.

Алешке он крикнул:

— Куда ты, дурья голова, залез? Собиют тебя, сейчас же слезай!..

Он сам расставил защитников баррикады, в душу обматюгал какого-то бородатого фронтовика, который устроился под телегой, потом велел разобрать доски на тротуаре, сделать проход на случай контратаки. Ему с готовностью подчинялись.

Показались немцы. Они густой цепью шли вдоль улицы. Полы их серо-зеленых шинелей были подоткнуты за пояс. Стальные глубокие шлемы были насунуты чуть ли не на плечи. Белым блеском отсвечивали ножевые штыки.

За первой цепью показалась вторая, за ним еще одна...

Заметив баррикаду, немцы замедлили шаг, остановились. Выскочил офицер и что-то командовал, размахивая палашом. Солдаты двинулись опять. Откуда-то зачастил пулемет, и пули затарахтели по деревянной крепости.

Матрос крикнул:

— Угостим немца напоследок, братва! Слушай мою команду. Огонь!..

Бой был короток. Отхлынув после первого залпа, немцы не возобновили атаки. Непрерывно поливая баррикады из пулеметов, они выкатили на прямую наводку полевую пушку.

— Теперь конец! — безнадежно сказал матрос. — Нужно отходить...

Первым же пушечным выстрелом он был убит.

Алешка видел, как второй матрос тряс его за плечи, звал по имени, наклоняясь к самому лицу, как черными от грязи и пороха пальцами поднимал его веки и заглядывал в глаза...

Вместе с другими защитниками баррикады Алешка добежал до угла. Здесь он задержался... Парень не мог уйти, не увидев всего до конца.

Стоя над убитым товарищем, матрос палил из нагана. Расстреляв патроны, он бросил револьвер на землю, вернулся и побрел улицей. Он шел тяжело, медленно, словно забыв об опасности, а за его спиной немецкая пушка разрушала последнюю херсонскую баррикаду — взлетали обломки досок, высоко переворачиваясь в воздухе, подскочило колесо от телеги, мутным фонтаном ударило в стену ближайшего дома струей рассола из разбитой бочки. Дым затянул улицу...

На Ганнибаловской, куда Алешка попал, подхваченный потоком отступающих фронтовиков, он неожиданно увидел Силина. Размахивая большим автоматическим пистолетом, Силин пытался остановить тех, которые убегали. Взырошенный, в разорванной на боку шинели, он бросался то в одну, то в другую сторону, хватал людей за плечи, неистово ругался, его никто не слушал. Кто-то крикнул, пробегая:

— Чего стараешься, Петр! Теперь уже все!..

Силин остановился, отрезвевшими глазами осмотрел улицу. Он, казалось, только сейчас понял, что ничего нельзя изменить. Люди, которые в панике отступали к порту, уже не представляли боевую силу. Теперь это была толпа, охваченная единственным стремлением, — спастись. Многие бросали оружие...

Силин сплюнул, огорченно покачал головой и, ссутулившись, направился к боковой улице...

Алешка догнал его.

— Товарищ Силин, вы куда?

Увидев Алешку, тот не выразил ни удивления, ни радости, ни досады. Только сказал устало:

— Вот и все, Алексей, конец!..

Мимо пробежали двое фронтовиков, срывая на бегу из шинелей красные банты — отличия командиров.

— Куда бегут, куда бегут! — сказал Силин. — Все корабли отчалили. Перебьют их в порту...

— А вы куда? — настойчиво повторил Алешка.

Непонятно почему, но в эту минуту он чувствовал себя сильнее фронтовика.

Силин неопределенно махнул рукой:

— Надо схватиться до ночи. Там видно будет.

— Пойдемте со мной, я знаю место!

— Веди...

Надо было торопиться. Немцы занимали квартал за кварталом. На одном из перекрестков Лешка увидел нескольких фронтовиков, ломавших станковый пулемет. В другом месте коренастый рабочий в промазученной до кожного блеска ватной куртке, стоя за рекламной тумбой, стрелял из карабина. Когда кончились патроны, он пощелкал пустым затвором, перехватил карабин за ствол и с размаху ударил по булыжникам. Приклад разлетелся на куски. Рабочий скрылся за углом...

Кратчайшим путем, где через лазейки в заборах, где по крышам дровяных сараев, Лешка привел Силина к своему дому на Кузнечной улице. Здесь было сравнительно тихо: бой проходил стороной, отдаляясь к порту.

Ворота их дома были заперты. Лешка перелез через ограду, снял засов и впустил Силина.

Позади пустого курятника, возле бревенчатой стены сарая, Лешка разобрал остатки израсходованной за зиму поленицы. Под нею открылись сложенные рядком толстые доски. Лешка раздвинул их.

— Лезьте сюда, — сказал он, — скорее!..

Ни о чем не спрашивая, Силин прыгнул в открывшуюся под досками яму. Лешка спустился за ним и аккуратно прикрыл вход.

...Это был тот самый тайник, в котором Лешкин отец прятал людей от полиции. О его существовании не знал даже хозяйственный Глушенко.

Здесь можно было стоять почти во весь рост. В углу был устроен дощатый лежак, фанерный ящик заменял стол, валялась ржавая керосиновая лампа без стекла. Пахло землей, сыростью и еще чем-то, гнилым и кислым.

Силин и Лешка сели рядом на лежак и стали прислушиваться к незатихающей стрельбе.

— В порт уже, верно, вошли, — проговорил Силин. — Умирают сейчас наши...

Лешка вдруг представил себе сбившихся в кучу людей, падающих под выстрелами, как тот матрос на баррикаде, распластанные тела убитых, кровь на земле. Все это так ярко возникло перед его глазами, что ему стало трудно дышать.

— Это я во всем виноват, товарищ Силин, я!.. Шпиона упустил. Я один виноват!

— Брось ерунду молоть! — грубо оборвал его Силин. — Нашел время искать виновных. Все хороши! Шпионку не разглядели — виноваты. Попов не захотел моряков вернуть вовремя — виноват, я виноват, что послушал его... В другой раз будем умнее. Ты думаешь, это конец? Нет, брат, это только начало! Мы еще вернемся сюда! — Он хотел еще что-то сказать, но только вздохнул и с силой ударил кулаком по колену.

Они долго сидели молча.

Наверху стихло. Лишь изредка доносились отдельные выстрелы.

Еще через некоторое время слышались голоса: это возвращались домой Глушенко и Екатерина, прятавшиеся в подвале. Все кончилось. Херсон стал немецким.

Дома

Через два часа, оставив Силину винтовку и револьвер, Лешка осторожно вылез из тайника и с заднего крыльца постучался в дом.

Открыла ему Екатерина.

— Лешенька! — ахнула она. — Живой!

Она втащила Лешку в комнату и стала ощупывать его руки, грудь, голову. Она смеялась от радости, смахивала пальцами слезы и приговаривала:

— Живой! Слава тебе, Господи, живой!

— Твой-то дома? — спросил Лешка.

— Нету его, — всхлипывая, ответила Екатерина, — ушел немцев смотреть.

Это было хорошо: встреча с зятем не сулила Лешке ничего приятного.

— Дай мне умыться, Катя, — попросил он.

Она засуетилась, принесла в столовую таз с водой, чистое белье и, пока Лешка мылся и переодевался, приготовила ему поесть. Все время она говорила, говорила без умолку, что на Лешке лица нет, что она совсем измучилась из-за него, что отец, когда узнает, не спустит ему такого поведения.

Успокоившись, она села напротив Лешки и жалостливо уставилась на него:

— Что же теперь, Лешенька, как будешь дальше жить?

Вместо ответа Лешка, продолжая жевать, сказал:

— Собери мне узелок с собой, Катя, еды побольше.

— Никак ты уходить собрался! — всплеснула она руками. — Не пущу! Слышишь, не пущу! Ты убить меня хочешь? Я папе напишу! Я...

— Тихо! — прикрикнул на нее Лешка и, совсем как это делал когда-то отец, хлопнул ладонью по столу. — Не вопи!.. Слушай, Катя, — продолжал он мягче, — нынче ночью я уйду. Мне оставаться в Херсоне нельзя, обязательно выдаст кто-нибудь.

— Я тебя спрячу, Лешенька, ни одна живая душа не узнает!

Лешка нетерпеливо поморщился:

— Мне теперь одна дорога: уходить. И ты меня не удерживай, все равно уйду!..

Заметно возмужавший за последнее время, худой до того, что было видно, как под кожей щек двигаются зубы, Лешка так напоминал отца, что Екатерина не решилась возражать. Она робко спросила:

— Куда же ты пойдешь, Лешенька?

— В Красную армию. Отцу напиши... Обо мне не беспокойся, Катя, я тебе письмо пришлю. А мужу своему не говори пока ничего.

— Ты сейчас и уйдешь, Леша?

— Говорю тебе: ночью. А еду ты мне сразу собери, я ее во дворе спрячу, чтобы Глушенко не видел. Ну, давай, Катя, не теряй времени! Стой, что это?

На улице, недалеко от дома, послышалась какая-то возня, и вдруг протяжно и отчаянно закричал человек. Вслед за тем, сотрясая оконные стекла, грохнул выстрел, и крик оборвался.

Опрокидывая стул, Лешка бросился к окну. Сквозь заложенные ставни ничего нельзя было разглядеть, но через несколько секунд он отчетливо услышал топот множества ног по мостовой. И почти тотчас же раздался сильный стук в ворота.

— Немцы! — проговорил Лешка. — Дворы обходят. Катя, надо открыть.

У Екатерины тряслись губы.

— Это за тобой пришли, Лешенька!

— Что ты мелешь! Они дворы обходят. Пойди открой, хуже будет!

Она попыталась встать, но не смогла: ее не держали ноги. Тогда Лешка сам бросился к двери. Сообразив что-то, он на ходу отстегнул свой новый военный ремень, швырнул его под стол и выскочил во двор.

Ворота гремели под ударами винтовочных прикладов.

— Иду, иду! — крикнул Лешка. — Сейчас!

...Засов цеплялся за кривую скобу. Лешке не сразу удалось сбросить его.

За воротами стояли немцы.

— Почему долго не открывал? — крикнул один из них, полный, небритый, с офицерскими нашивками.

— Не успел, торопился, — ответил Лешка и не узнал своего голоса, осипшего, точно от простуды.

Офицер, сузив глаза, смотрел на его форменную гимназическую рубашу.

— Кто ты есть? — скрипуче спросил он. — Фронт-зольдат... Фронтэвик?

— Я гимназист, — сказал Лешка, — гимназист, гимназия, ученик, понимаете?

Немец брезгливо и недоверчиво оглядел его с ног до головы и, оттолкнув плечом, пошел в ворота.

— *Durchsucht alles, schneller!*¹ — приказал он.

Солдаты разбежались по двору.

— Кто-нибудь заходил сюда? — спросил офицер.

Лешка энергично затряс головой:

— Нет, что вы, никого не было!

— Кто в доме?

— Я и сестра с мужем. Он торговец, торгует, коммерсант, — добавил Лешка, вспомнив любимое слово Глущенко.

Офицер еще раз смерил его взглядом и отвернулся.

Стоя за его спиной, Лешка затаив дыхание смотрел, как солдаты рыскали по двору, ворошили штыками кучу хвороста, для чего-то заготовленного Глущенко, выламывали двери сарая и шарили внутри. Один немец спустился в подвал, а двое зашли в курятник.

Они пробыли там несколько секунд и вернулись, ничего не заметив. У Лешки отлегло от сердца.

Запирая за офицером ворота, Лешка слышал, как немцы уже ломились в соседний двор. От пережитого волнения он чувствовал усталость во всем теле. Сейчас, когда опасность миновала, ему было стыдно вспоминать, каким просительным, приниженным голосом он разговаривал с этим толстым самоуверенным немцем... Плевать! Как бы там ни было, он спас Силина и Екатерину, которой тоже не поздоровилось бы, найди немцы спрятанного на ее дворе фронтовика. Кроме того, он теперь знает, что в своей гимназической форме не вызывает подозрений. Можно было даже сходить в город и посмотреть, что там делается...

Екатерина собрала Лешку в дальнюю дорогу. В старый вещевой мешок, с которым отец ездил на рыбалку, она уложила смену белья, носки и всю еду, какая нашлась в доме. Пока она возилась, Лешка достал из своего сундучка чистую выходную форменную рубашу и запасной ремень с белой пряжкой, на которой еще сохранился вензель первой херсонской гимназии. Рубашу он попросил отутюжить.

Когда Екатерина занялась утюгами, он отнес мешок к тайнику.

Силин спал. От света, упавшего ему на глаза, он встрепенулся и схватил винтовку.

— Это я, — успокоил его Лешка, — поесть вам принес.

Он передал Силину мешок и кружку с водой, которую захватил в сенях.

— Пейте скорей, кружку надо назад.

¹ Обыскать все, живее! (нем.).

Силин с жадностью выпил воду.

— Спасибо, брат, в горле точно наждаком скребли. Это ты с немцами разговаривал?

— Я.

— Больше, должно быть, не придут...

— Товарищ Силин, — сказал Лешка, — я в город хочу сходить.

— Это еще зачем?

— Так... Может, увижу кого из наших.

— Тебе что, жизнь надоела?

— Почему надоела! На мне разве написано? Эти-то немцы ничего не подумали.

Силин промолчал.

— Так как же, товарищ Силин?

— Вот что, Алексей, — сказал Силин, — я бы тебя сейчас не посылал, но раз ты сам... В общем, слушай. Дам тебе адрес. Это то место, куда я сначала хотел пойти. Скажешь, что ты пришел от Петра Павловича поздравить с освобождением. Запомнил? От Петра Павловича поздравить с освобождением, так и надо сказать.

— Ясно, — ответил Лешка. Дело было знакомое.

— Расскажи им, где я, и вообще обо всем. Там люди верные, помогут выбраться из Херсона. Адрес такой: Купеческая улица... — Силин назвал адрес и велел Лешке повторить. — Помни, Алексей, если попадешься, лучше меня покажи, а этот адрес забудь!

— Да вы что! — обиделся Лешка.

— Слушай, не перебивай! По городу ходи осторожно, смотри, чтобы не выследили тебя. На рожон не лезь, помни, что ты не один. Да что говорить, сам должен понимать. Теперь ступай... Счастливо. И осторожней!..

Лешка тщательно сдвинул доски и нагреб на них мусору.

— Здесь, может, Глущенко будет шататься, сестрин муж, так вы молчите, — предупредил он. — Я приду — стукну три раза, вот так.

— Ладно.

Рубаха уже была готова. Умытый, в свежееотутюженной форме, Лешка имел вид вполне благонамеренного старшеклассника.

— Может, не пойдешь, Лешенька? — готовясь снова заплакать, сказала Екатерина. — Ведь знают, что ты у фронтовиков был. Братинька, не ходи!..

Но Лешка уже не слышал ее.

Херсон — немецкий город

Лужа подсохшей крови на тротуаре возле соседнего дома — вот что прежде всего увидел Лешка на улице. Но это было только начало.

Он вышел на Суворовскую и не узнал ее. Еще вчера здесь было пустынно и неприятно. Слепыми казались дома с запертыми ставнями. Покинуто чернели фонари, которых давно никто не зажигал. Чудо — если появлялся прохожий в штатской одежде...

Сегодня все изменилось, словно по волшебству. Распахнулись окна. Исчезли черные пластыри гофрированных щитов с магазинных витрин, и в тени парусиновых тентов открылись холодные глыбы масла, пирамиды колбасных кругов, остроконечные сахарные головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.